

ЮРИЙ Валин

АНТИМИРЫ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ПОЖИЗНЕННО

Цитадель
в огне

Юрий Павлович Валин

Пожизненно. Цитадель в огне

Серия «Антимир», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6716211

Валин Ю. Пожизненно. Цитадель в огне: Яуза, Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-55987-9

Аннотация

НОВЫЙ фантастический боевик от автора бестселлеров «Посмертно», «Окраины. Штурмовая группа» и «Самый младший лейтенант». Добро пожаловать в Антимир, заселенный потомками «попаданцев» из нашей реальности, но так и не вырвавшийся из «темного Средневековья». Здесь люди соседствуют с иными расами, а «мечи и магия» – с боевыми ракетами. Здесь в самом разгаре беспощадная война, королевские войска разбиты пиратским флотом, а прибрежные города обречены на разгром и уничтожение. Удастся ли пришельцам из нашего времени уцелеть в аду уличных боев, вырваться из пылающей цитадели и вернуться домой – или они приговорены остаться в этом Антимире ПОЖИЗНЕННО?..

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Юрий Валин

Пожизненно.

Цитадель в огне

Автор благодарит:

Сергея Звездина – за техническую помощь.

Александра Москальца – за помощь на «всех фронтах».

Евгения Львовича Некрасова – за литературную помощь и советы.

© Валин Ю., 2012

© ООО «Издательство «Яуза», 2012

© ООО «Издательство «Эксмо», 2012

Пролог

Разыскивается человек!

«Разыскиваются: сестры Беляевы.

Мария Георгиевна и Дарья Георгиевна.

*Уроженки города Москвы, проживали по адресу:
Ленинский пр., 13/2.*

Пропали 21 июня 201... года. В последний раз их видели на ул. Серафимовича у кинотеатра «Им. Трифонова» (перед терактом). На месте трагедии тел не обнаружено.

На момент исчезновения:

Мария Георгиевна – 19 лет, рост 171 см, блондинка, волосы прямые до плеч, стройная, глаза голубые. Лицо правильное, привлекательное. Была одета в голубое платье, белые босоножки на высоком каблуке. На руках серебряные кольца.

Дарья Георгиевна – 15 лет, рост 153 см, волосы прямые светло-русые. Особых примет нет. Была одета в светлое платье-сарафан, белые пластиковые шлепанцы.

Всех, кто видел и что-то знает, огромная просьба позвонить по телефону...»

«...фрагментов тел не обнаружено, что

объясняется сложным характером взрыва и недостаточно четко проведенной генетической экспертизой. Тем не менее наличие на месте подрыва документов и личных вещей Беляевой М.Г. позволяет с уверенностью заключить, что...

...Оперативно-розыскные мероприятия предлагаем завершить, факт гибели Беляевой М.Г. и Беляевой Д.Г. считаем доказанным...»

Вывод следователя ОВД «Якиманка» был верен. Отчасти. Поскольку смерть определяется «отсутствием дыхания и кровообращения, полным и необратимым прекращением физиологических процессов в клетках и тканях», то все логично. Не функционировали организмы сестер Беляевых на территории района Якиманка. И действительно, как совершенно справедливо было отмечено в следственном заключении: «объявлять в федеральный розыск считаем нецелесообразным». Поскольку и следователей УВД, и даже прокурорских сотрудников розыску в иных мирах и измерениях не обучают, вывод вполне логичен. Вообще-то правоохранительным органам и на вверенных им участкам вполне хватает работы.

С другой стороны, с философской, сестры мыслили, следовательно, существовали. Но существовали так немислимо далеко, что назвать это «жизнью» было сложно. Собственно, с «посмертной» точки зрения бывших сестер Беляевых, существование столь странной структуры, как ОВД «Якиманка», выглядело допущением крайне маловероятным, если не

сказать, что вовсе фантастическим.

Дело, выделенное в отдельное производство из сложного и многотомного расследования теракта в кинотеатре «Им. Трифонова», было прекращено в годовщину того трагического происшествия. Беляевы М.Г. и Д.Г. были признаны погибшими, в чем их родственникам и было выдано официальное свидетельство. Впрочем, кто верит казенным словам? Старшие Беляевы засунули мерзкие отписки с печатями в нижний ящик письменного стола, а в Засмертный мир копии сих официальных приговоров, естественно, не попали... Но на столбах, заборах и досках объявлений Центрального округа города Москвы все появлялось и появлялось распечатанное на цветном принтере:

«РАЗЫСКИВАЕТСЯ ЧЕЛОВЕК!»

Часть первая

Саламандры юга

Глава первая

Стоит знаменитый город Каннут на великой реке Оне, что влечет свои полноводные теплые воды к далекому океану.

Тепло здесь, и даже жарко. Если вспомнить полузабытый курс школьной географии: то ли субэкватор, то ли тропики. Серединка на половинку, с дождями-ливнями, попугаями наглыми и прочими чудесами, на которые через два дня уже и внимания не обращаешь.

Могуч и суверенен город Каннут, на десятки дневных переходов король его мудрый длань свою, защищающую, простирает. Воины Короны неусыпно на страже закона стоят и неизменно страх на злоумышленников да кровожадных дарков наводят. Может, оттого так благоразумно мир устроен, что иных воинов на берегах Оны нет, да и взяться им неоткуда, поскольку хуторянам дурацкие шлемы напяливать да со щитами вышагивать и вовсе недосуг. Хутора кормят город, горожане ремеслом и торговлей промышляют, купеческие барки по реке снуют, с приречными городишками и поселками торгуют, к самому морю, к Желтому Устью ходят,

а потому ручейки налогов в казну королевскую так и текут. Ну, жуликам-«деловым», шлюшкам, нищим и прочей городской тине тоже кое-что обламывается. Жизнь, понятно, отнюдь не идеально устроена, но существовать можно. А если поднатужиться, так и вполне нормально существовать.

Девушка потерла нос тыльной стороной кисти, белой от муки, но все равно чихнула. Нет, отвлекаться совершенно незачем. Мысли ненужные одолевают, предчувствия нехорошие, а между тем слоеное тесто требует предельной сосредоточенности. Берем скалку, продолжаем, и ни на какую политэкономии не отвлекаемся.

С политэкономией и прочей физической географией изящная девица, столь энергично раскатывающая тесто, была пусть и поверхностно, но знакома. Что бы там ни говорили, а среднее образование, пусть и не оконченное, некую базу знаний дает.

Девушку звали Ашей. Ну, когда-то именовали Дашей, но то было в иной, досмертной жизни, и было ли то на самом деле, спорный вопрос. Там, в той жизни, между прочим, считалось, что москвички – существа вздорные, избалованные и ни к чему не способные. Клевета! Вот оно, тесто, вот дом, двор – пусть не роскошные, зато чисто выметенные, аккуратные. Друзья имеются. Эле есть – хозяйка, подруга старшая. Да чего там – почти мама. Мин – дарк-полукровка, унаследовавший воинственность от папаши буйного – дикаря хогмена и замечательную хозяйственность от мамы – мирной брауни.

В общем, Мин – существо некрупное, пусть небезупречного воспитания и характера, зато надежный друг и товарищ.

Даша раскатала еще один корж. Успеет, пропечется быстро, главное, с приправой не переборщить. Дорогой корицы, естественно, нет, а с этим медовником... Надо было его меньше брать. Мерка – за три «щитка» – совершенно оборзели. С другой стороны, Костю угощать...

Костя – это особая тема. Вернее, Костяк. Это погоняло такое – «деловому» десятнику без него никак нельзя. Ну, да, из откровенной шпаны у нас кавалер, с непонятной наследственностью, образованием ниже...

Ну, нету тут плинтусов. Тут много чего нет. Да может, и не надо? Парень-то есть. Которому веришь как себе. Даже чуть больше, потому что он рассудительнее...

Даша самокритично вздохнула. Не всегда Даше-Аше удалось быть разумной. То от обиды с ножом на разбойников лезла, то просто тупила и дурила. Всякое бывало. Все мы учимся, дело обычное...

Вообще Даша по жизни приключений не искала. Домашним была человеком бывшая Дарья Георгиевна. И в этот мир отнюдь не по собственной инициативе перебралась. Трагическая случайность. Сейчас, может быть, не такая уж и трагическая, но сначала просто ужас что было. Еще сестрица, Мари, сучка этакая. Вместе попали в здешний мир сестрицы. А потом Машка бросила младшую. Угу, отягощала Дашка сестру, мыслила негативно, и вообще не до родственных

связей тогда было красавице Мари. Сейчас поднялась высоко, в замке обитает, а уж какими средствами та карьера вершилась, лучше не задумываться. Больше года прошло. Видела Даша сестру разок, случайно, издали, но подходить и со счастливым визгом на шею бросаться никакого желания не возникло. Предательство, оно отчего-то запоминается. Пусть и время прошло, и жизнь наладилась, но прощать эту сучку...

– Да ну ее в задницу, – пробормотала Аша и пошла к печи. Вот – как раз прогорело...

Пирог томился, Аша живо убрала муку, подмела под навесом. Дел еще полно. Мин что-то за сараем скребет, возится. Надо думать, с забором. А вот если привалит досками богатыря... Кстати, к доскам нужно прицениться. Сейчас мало кто в городе материал берет, наверняка подешевело...

Даша одернула себя. Война ведь. Что за люди – только дела на лад идут, так политика выпячивается. Ну, за что здесь воевать? Нефти нет, земли сколько угодно. Идиоты...

Откуда взялся пиратский Флот, было непонятно. Что им по океану не плавалось? Нет, вошли в Ону, поперлись вверх к Канниту. Уже вроде произошли первые столкновения с пограничными заставами королевской стражи. Король не замедлил торжественно объявить войну наглым пришельцам. Говорили, что лазутчики пиратов подстрекают диких дарков к нападениям на горожан. За стенами, да и в городских кварталах действительно какой-то ужас творился. И трупы-

еды-йиены откуда-то повылазили, и прочие чудища. Даша сама их видела. В ответ горожане устраивали облавы на дарков, уже не сильно-то разбираясь, кто там дикий, а кто мирный. Вот – даже Мину приходится в доме отсиживаться.

После объявления войны часть войск выступила в поход. Ушла армия вниз по Оне, дабы не дать пиратам пройти мимо у Сожженных башен. Командовал экспедиционным корпусом принц Берн. К корпусу примкнул сильный отряд из союзного Калатера. Даша успела вдоволь налюбоваться на бело-голубые цвета формы воинов города, стоящего где-то далеко на юго-востоке. Дисциплинированные солдаты, этого не отнять. И вид боевой, и к женщинам не пристают. С расхлябанным воинством Каннута никакого сравнения. Раньше Каннут с Калатером враждовали, но теперь припекло – объединились против общего врага-оккупанта.

Корпус принца Берна отправился в поход на спешно собранной многочисленной флотилии барок, и с тех пор наступила непонятная тишина. Даша понимала, что ни радио, ни телевидение ежедневных сводок о ходе героических военных действий передавать не будет, но уж такое вопиющее отсутствие новостей выглядело странно. В городе продолжали увлеченно охотиться на дарков-людоедов, хотя нападения на горожан почти прекратились. Эле ворчала, критикуя неразумные действия короля. По мнению хозяйки, совершенно незачем было тащиться куда-то, дробя силы. Вряд ли пираты рискнут подняться до самого Каннута. А если и рискнут,

разгромить их у стен города будет куда легче, чем биться на неукрепленных берегах реки в двадцати днях пути от столицы.

Даша по поводу действий войск никакого особого мнения не имела. В стратегии девушка не разбиралась, военного опыта не имела. Тот случай... Тот случай вспоминать не хотелось. Своя-то разборка была. Личная. И то, что нож у пояса висит, ни о чем не говорит. Это для хозяйства. Конечно, если прижмет... Мы тоже кое-что умеем.

Ужас, и что за мысли сегодня такие? Нервничать чего-то начала. Пока война далеко. Рассосется. В конце концов, Каннут – огромный город. Кто на такие стены покусится?

Даша не без оснований полагала, что нервничает не из-за какой-то там гипотетической войны. Слоеное тесто – довольно смелый эксперимент. Противень бы хороший...

Пока все шло хорошо. Начинка вот благоухать начала...

Как раз и хозяйка со службы пришла. Мин, спешно убравший инструмент, заглянул: значит, прилично пахнет. Очень даже прилично...

– Ага, пообедаем, а потом... – Эле на полуслове повернулась к улице и замерла. У Мина на макушке шерсть встала дыбом. На улице раздавался непривычный шум: звяканье боевого железа, стук копыт. В калитку крепко ударили:

– Хозяева, открывайте!

Эле мгновенно оказалась у забора, глянула в щель:

– Гвардейцы. И еще кто-то.

Такой бледной хозяйку Даша еще не видела.

Девушка облизнула внезапно пересохшие губы, прошептала:

– Идите. Я сама открою.

Эле неуверенно попятилась к дому. Полукровка исчез еще раньше.

Засов поднять Даша не успела – в калитку снова крепко грохнули.

– Поживее, хозяева. Не заставляйте благородную леди ждать.

Даша распахнула калитку и увидела перед носом кулак в кольчужной перчатке.

– Осторожнее, Кайер, перепугаешь девушку, – насмешливо сказал знакомый голос.

Гвардеец смущенно отдернул бронированную руку.

Мари улыбалась, глядя с высоты седла. Породистая белая кобыла смотрела на Дашу с тем же насмешливым интересом. Рядом с Мари на гнедой лошади сидела очень красивая темноволосяя девушка. Дальше в тесноте узкой улицы сгрудилось четверо верховых гвардейцев.

«Вот соседям будет разговор», – отстраненно подумала Даша.

– Лорд Кайер, соблаговолите подождать здесь, – сказала Мари и грациозно соскользнула с седла. Ее красавица подруга ловко перехватила повод белой кобылы.

Даша смотрела, как сестра идет к калитке. Красивая, без-

укоризненно стройная в полумужском костюме для верховой езды. Сколько «корон» могут стоять такие кружевные сапожки? Очень хотелось с треском захлопнуть дверь перед этим улыбающимся личиком. Только не поможет – вон их сколько, – вломятся.

– Можно мне войти? – радостно поинтересовалась Мари.

– Счастливы будем принять вашу милость. Могу я высказать нижайшую просьбу вашему героическому офицеру? – Даша повернулась к гвардейцу. – Соболаговолите не ломать дверь, милорд. Это не борт пиратского корабля – тут совсем легко открывается, стоит ручку приподнять.

Молодой офицер нахмурился. Мари заулыбалась еще лучезарнее. Даша пропустила ее во двор. Старшая сестра окинула дворик взглядом:

– Скромно, но чистенько. Значит, здесь и обитаешь?

– Ты поразительно догадлива.

Маша засмеялась:

– Ну, не хмурься. Я ужасно рада тебя видеть.

Даша позволила обнять себя за шею, чмокнуть в щеку. От Мари пахло Парижем. Даша и не представляла, что в Канноте существует такая парфюмерия.

– Злишься? – шепнула сестричка, не отпуская шею Даши. – Зря. Я думала, ты догадалась, что у меня тогда просто не оставалось выбора. Мне ведь было так же сложно выжить, как и тебе.

– Я догадалась. Немного поплакала и все поняла. Зачем я

вашей милости понадобилась?

– Все так строго? – Мари огорченно сдвинула тонкие бровки. – Я думала, ты будешь рада меня видеть.

– Да я просто непомерно счастлива, – Даша густо сплюнула под поленницу. Вышло отвратительно, но если бы не харкнула, от злости живот бы лопнул.

– Ну и манер ты от своих воров набралась, – укоризненно сказала старшая сестра. – Я понимаю, нелегкие времена у нас обеих были. Я ведь тебя едва отыскала. Если бы не инцидент в «Треснувшей ложке», тебя бы еще искали и искали. Незаметная ты у меня девочка. Хорошо еще, у тебя для этих мест глаза приметные. Дашка, ты на меня не обижайся. Я тебя очень люблю. Мне тяжело было. Я за тебя переживала. А теперь все наладится. Ты ведь даже похорошела в здешней атмосфере. Навоз, экологически чистые продукты, здоровый труд – ну, как на даче. Не злись. Пойдем в дом, побеседуем спокойно.

– Хочешь интерьер оценить? Нет там никакого интерьера.

– Ладно тебе, – знакомо надула губки Мари, – мне же интересно. И с хозяйкой я должна познакомиться. Мы же знаем, что твоя хозяйка дама непростая. Я прямо ахнула, когда узнала. Надо же, какое совпадение. Интересная у тебя жизнь – с чудищами сражаешься, с преступниками дружишь, бывшие фаворитки тебе поучительные истории рассказывают.

– Эле мне о прошлом ни слова не рассказывала.

– Жаль, наверное, тетке есть что вспомнить. Ладно, про-

шное мы оставим в покое. Теперь мы с тобой будущее этой смешной страны сами творить будем. Разве не интересно?

– После смерти что прошлое, что будущее – разница невелика, – сказала Даша.

– Ты философией увлеклась? – удивилась старшая сестра. – Пойдем в дом. Глупо нам здесь, как школьницам, шептаться.

Даша неохотно открыла дверь. Полукровка наверняка сразу забился в хлев, в дом можно посторонних пускать.

Мари нагнула светловолосую голову, шагнула в полутьму, с любопытством огляделась.

– Добрый день, уважаемая леди Эле. Много о вас слышала. В замке до сих пор с прискорбием вспоминают тот печальный случай с вашим ранением. Большая трагедия для всех, кто знал вас в расцвете вашей карьеры.

– О, в замке всегда были незаслуженно добры ко мне, – голос Эле звучал хрипловато. Даша отчетливо слышала и злость, и совершенно не свойственный хозяйке страх.

– Не скромничайте, – Мари села на табурет, – такие женщины, как вы, – истинная драгоценность. Про вас ведь сказки рассказывают. К сожалению, королевский двор не проявил по отношению к вам должной чуткости. Думаю, мы попытаемся это исправить.

– Молодая леди слишком любезна, – пробормотала Эле. – Не стоит из-за меня беспокоить занятых людей. Сейчас война, столько неотложных забот. Я ни в чем не нуждаюсь. Рука

зажила, я вполне обеспечиваю себя пропитанием.

– Вы выздоровели? Ой, мне об этом не рассказали. Я искренне счастлива слышать столь прекрасную новость, – Мари даже погладила выскобленную крышку стола. – Честно говоря, если бы я раньше узнала, что девочка находится под вашей опекой, я бы куда меньше беспокоилась. Как чудесно, что вы теперь здоровы. Про вашу руку рассказывали такие мрачные вещи.

– От подножия трона некоторых мелочей не разглядишь, – мрачно заметила Даша.

– Ты знаешь, где я обитаю? – удивилась сестра.

– Я полюбовалась, как ты красуешься в компании принца, лорда-констебля и первых дам двора. До тебя было шагов десять, – несколько преувеличила Даша. – Должна признать, ты выглядела на своем месте.

– И ты не подошла?! – возмущенно ахнула Мари.

– Ты была слишком занята. Как весь этот длинный год.

– Дашка! – старшая сестра потрянула своими великолепными локонами. – Ну перестань! Когда я расскажу, что со мной было, ты поймешь. Со мной приключилась тысяча приключений, и большинство из них были вовсе не из приятных. Но я сейчас здесь, и не время мелочиться, вспоминать трудные времена. Теперь все пойдет как должно...

– Маша, ты какого хрена обо мне вспомнила? – тихо спросила младшая сестра. – Что тебе от меня нужно?

Мари кинула взгляд на молчащую хозяйку дома и вкрад-

чиво сказала:

– Ты мне не чужая. Верю, что ты обижена. Сознаю, что этому есть серьезные основания. Вижу, что ты стала еще упрямее. Сможешь все высказать мне наедине. Сможешь дать мне по морде. Но сейчас не время выяснять отношения. Сейчас, пока есть возможность, я могу действовать относительно свободно. В замке тебе подготовлена комната. Тебя ждут две служанки. Ты успокоишься, и мы поговорим начистоту. Знаешь, в замке довольно интересная и насыщенная жизнь.

– Жизнь при дворе совершенно не входит в мои планы, – равнодушно сказала Даша. – Я собираюсь найти подходящую ферму и заняться свиноводством.

Мари хихикнула:

– И это все? Не могла выдумать что-нибудь поостроумнее?

– При чем тут остроумие? – удивилась Даша. – Ты в своем замке просто не представляешь, насколько выгодным и увлекательным занятием может быть разведение свиней.

Мари склонила голову к плечу:

– Я ведь тебя знаю, ты почти и не шутишь. С ума сошла? У нас ведь в роду никаких колхозников-животноводов не было.

– Надо же когда-то к земле возвращаться?

– Спятила, – с ужасом пробормотала Мари.

– Это неважно, – с почти искренним равнодушием сказала Даша. – Понятия не имею, зачем я тебе понадобилась, но

идти с тобой я и не подумаю. Прогибай под себя принцев и прочих благородных лордов. Мне с тобою не по пути.

– Понятно, – Мари притопнула сапожком по земляному полу. – Спорить потом будем. Сейчас просто пойдешь со мной. Носик не задирай, сейчас доступно обосную... – сестра перешла на родной язык, услышать который Даша уже не надеялась никогда. – Сестричка, перестань дурака валять. Ты мне нужна – умненькая, образованная, честная – такая, какая ты есть на самом деле. В замке не так уж плохо. Нормально оденешься, умоешься, перестанешь вонять навозом. Такую экзотику, как воришки, я тебе предложить вряд ли смогу, но приличных мальчиков для постели подберем. Знаю я твои невеликие запросы. Ты мне действительно нужна, и выслушивать бредовые фантазии у меня нет ни времени, ни желания. Ты могла бы и окончательно избавиться от иллюзий за прошедший год. Хватит дурить. Я не желаю никому гадости делать. Но если ты упорствовать будешь, тебя возьмут под мышку и закинут на лошадь. Въедешь в замок как связанная сарделька. Этого хочешь? Да, тогда и твоей хозяйке придется последовать за нами. Вообще-то я ей благодарна, поэтому прикажу подыскать ей самую сухую и уютную тюремную камеру. Что бы там ни болтали про Амазонк-Перчаток, а тетке с пятерыми не справиться. Возраст не тот.

– Ты, Машка, окончательно ссучилась, – с трудом выговорила Даша. – Уже и заложников берешь?

– Да не хочу я никаких заложников брать, – с досадой сказала старшая сестра. – Что ты из меня чудовище делаешь? Ну, сука я и стерва – да. Я и раньше такой была. Мне нравится. Здесь разве другая девушка выжить может? Здесь же мамы с папой нет. Знаешь, как я скучаю? Пойдем, не глупи. Очень прошу, не заставляй меня гадости делать. Я тебя к твоей Эле скоро отпущу повидаться. С воришками, правда, тусоваться не получится – в замке господ с предрассудками, не поймут юмора. Пойдем, Дашка. Зачем нам постороннюю женщину вмешивать? Она-то при чем? Пойдем, а?

Даша кивнула. В глазах опять плыло. И когда ты, дурочка, плакать отучишься?

Мари радостно поднялась на ноги, отвязала от пояса кошелек:

– Эле, спасибо вам. Это не плата, я знаю, у вас отношения хорошие, прямо родственные. На это наймете служанку. В замке вас вспомнят, я уверена. А Ашу простите. И меня тоже.

Даша глянула на замершую Эле. Сестра потянула за руку:
– Пойдем, времени мало.

Черноволосая красавица молча вскинула Дашу в седло, посадила впереди себя. Сидеть боком оказалось очень неудобно. Эле показалась в калитке – высокая, ссутулившаяся. Даша не могла вымолвить ни слова на прощание.

– Вперед, лорд Кайер, – скомандовала Мари старшему гвардейцу. Обернулась к сестре: – Красивая была у тебя хо-

заяйка. И не подумаешь что за тридцать. Ничего, через месяц и тебя никто не узнает, леди Аша...

Глава вторая

Назвать вид из окна «живописным» было трудно: угол двора, зажатый каменной тесниной стен, тыльная сторона надвратной башни, двери караульного помещения. С высоты третьего этажа было отлично видно, как маялись бездельем караульные, одетые в черно-белые безрукавки-накидки замковой гвардии. Очевидно, всех более-менее толковых вояк забрал с собою принц Берн. Те, что ныне охраняли ворота замка, выглядели сонными мухами, запихнутыми в жаркие кожаные нагрудники. Стражи не слишком оживлялись, когда из замка кто-то выезжал. Клацали по мощеному двору подковы, лениво скрипели, открываясь, массивные, обитые железом створки ворот, и снова в Каннутском замке воцарялась тишина.

Королевский замок представлял собой вытянутый многоугольник стен, соединяющих квадратные мощные башни. Изнутри стены подпирали жилые и хозяйственные строения. Снаружи твердыню Каннута окаймляли каналы: Земляной канал с запада, Каменный с востока. С севера стену прикрывало широкое русло Оны. Здесь замковая стена выполняла роль усиленного фрагмента общегородской, порядком обветшавшей, стены. В сердце Каннутского замка высилась древняя Цитадель – практически равносторонний квадрат высоких стен с башнями по углам и мощнейшим донжоном

в центре.

Даша сползла с подоконника. Что за тоска смертная в этом гнезде самодержавия? Вид на пустынную мостовую перед воротами, полоса голубого неба – вот и все развлечения. Конечно, можно еще считать въезжающих и выезжающих из королевской твердыни гостей, только к чему это? Редкие всадники – это не танки и даже не боевые слоны. Да и сама Даша не шпионка.

Собственно, в этом и заключается главный вопрос. Кто ты, дева, томящаяся взаперти? Пленница, заложница, невольная гостя или будущая соучастница?

Благородной господской жизнью Даша изводилась уже второй день. Просторная комната, два окна с видом на замковые ворота. Ванная, уборная. Уборная – вау! – это нечто! Видимо, к дизайну приложили руку люди, слегка осведомленные о сантехнических удобствах будущих веков. Может, лично ее сиятельство Машка проект утверждала, может, еще кто-то из безвестных «пришлых». Последние дни здорово спутали Дашины представления об исторических эпохах. Здесь в сортире красовался рулон желтоватой, но чрезвычайно похожей на настоящую туалетной бумаги. С ума сойти! О подобной роскоши Даша за год пребывания в Канноте и слыхом не слыхивала.

Во дворе снова зацокали подковы, кто-то в очередной раз покидал замок. Странно. Людей в замке как после эпидемии. Понятно, война идет. Но король на месте, в смысле – на

троне, сидит. Властвует. Должна же какая-то общественная жизнь бурлить? Ну, если не бурлить, то хоть побулькивать.

Даша надула губы и взяла с подноса яблоко. Кто бы мог подумать, что в королевском замке с тоски сдохнуть можно? Сиди здесь в одиночестве, думами мучайся. Дверь в наружную галерею заперта, дверь, ведущая в Машкины покои, тоже заперта. После того как обед подали, ни звука извне не доносится.

Начиналось заключение куда веселее.

Прибыла Даша в свою тюрьму под вечер.

– Быстренько в ванную! – скомандовала любимая сестрица. – Отмывайся, Дашка, переодевайся, и ужинать будем. Мне нужно будет потом уйти, а ты наверняка реветь примешься. Я тебя, плаксу, знаю.

Даша не возражала. Умыться и успокоиться не помешает. Сидеть на луке седла – занятие крайне утомительное. К тому же от объятий всадницы Даше было не по себе. Странная подруга у Машки – красивая, молчаливая. Вроде ничего не делала, только придерживала в седле, а щеки у Даши до сих пор горели. Мысли какие-то нездоровые, прямо стыдно.

Ванна оказалась настоящей – из зеленоватого камня, объемом не меньше чем на двух человек. И горячей воды налито до краев. Чистая вода с ароматным маслом остролистого лотоса. Роскошь. Даша по своему банному опыту знала, сколько такое удовольствие стоит. А здесь еще и на третий этаж воду таскали. Да, неплохо устроилась сестрица.

Даша принялась неуверенно расшнуровывать ворот платья. Рядом возилась рослая служанка, раскладывала полотенца. Уходить прислуга явно не собиралась. При ней купаться придется?

В ванную комнату заглянула Мари:

– Ты стесняешься? Бэб я могу отослать. Но, вообще-то, она тебе спинку потрет и воды сольет. Она у нас тетенька умная и тактичная. Тебя, после прозябания в свином гетто, долго придется в порядок приводить. Ты не стесняйся.

– Я не стесняюсь, – пробормотала Даша, сбрасывая платье.

– Повзрослела, – одобрительно заметила сестра. – Уже без слез смотреть можно. Неужели романы с криминалом так благотворно на фигуре сказываются?

Даша промолчала. Сесть в ванну было приятно. Ароматная вода оказалась в меру горячей. Полированный мрамор приятно ласкал кожу. Сколько же такое удовольствие в «коронах» потянет?

– Да ты не дуйся, – засмеялась Мари. – Я твоими личными делами интересоваться и не думала. Мне доложили в самых общих чертах. Что было, то прошло. Теперь новая жизнь начинается. Вот, – сестра поставила на край ванны блюдо с персиками, – ты всегда в воде что-нибудь пожевать любила.

Машка изрекла еще какую-то глупость и вышла. Времени у благородной леди не хватает. Это хорошо. Смыться будет легче.

Никаких колебаний на этот счет Даша не испытывала. Поняла, что убежит, еще когда стерва Машка вынудила в замок ехать. Фига с два вы заставите человека жить там, где он не желает. Человек, между прочим, выкормил самого большого кабана в Западном углу. Человек, между прочим, двух обидчиков собственной рукой прирезал. А ванна, да личная комната... Все это хорошо – переживем, глазом не моргнем, себя не выдадим...

Персик был сочный, но какой-то несладкий. На берегу реки фрукты куда вкуснее казались. Особенно когда на покупку лакомства можешь выкроить единственный медный «щиток».

Даша, причмокивая, ссасывала персиковый сок. Мило-стиво подставляла ногу. Ступня покоилась в крупных красивых руках Бэб. Служанка осторожно работала ножничками. С ногтями у Даши все было в порядке – небось у самой руки имеются. Но ножом, да грубыми ножницами, настоящий педикюр не сделаешь. Пусть работает. Интересно, эта рослая тетка – личная служанка Машки? Опыт чувствует-ся. В банях таких мастериц ценят. Чем-то эта Бэб бывшую Перчатку напоминает. Возрастом и даже лицом. Черты правильные, но красивыми их не позволяет назвать некоторая незавершенность. Чуть-чуть яркости, краски... Ну, Мари не позволит никаких намеков на конкуренцию. Хотя черноволосая подружка у сестры – это что-то новенькое. Раньше, в досмертном мире, Машка таких красавиц и на дух не пере-

носила. Все меняется.

Бэб перешла к рукам девушки. Даше пришлось сполоснуть от сока пальцы, прежде чем подать ладошку служанке. И щеточка, и инструменты – почти как в салоне на Большой Ордынке, куда всегда ездила мама. Стало грустно. Много чего Машка успела – и в замке обосноваться, и настоящей секс-бомбой стать, и прислугу идеальную в Средневековье подыскать. Только вот родной сестрой перестала быть.

В глазах предательски защипало. Вот же свинство, прости, покойный Вас-Вас. Нужно удержаться. Ты девушка глупая, наивная, сейчас обязана тупо жизни радоваться.

– Позвольте? – в руках Бэб блестела бритва.

Ой, интимную прическу предлагают? Ну, да, Машка всю жизнь непримиримо ненавидела «атавистическую волосатость». Ну и ладно. Даша приподнялась из воды, положила одну ногу на приятно прохладный мрамор.

– Вы очень юная, – тихо заметила Бэб.

– Я повзрослею, – пробормотала Даша и взяла с подноса еще персик.

Служанка кинула острый взгляд:

– Я сказала – юная, но не ребенок. Вы очень привлекательная женщина, моя леди.

– Хм, и лесть я люблю, – признала Даша, невольно замирая под прикосновениями острой стали.

– У вас удивительные глаза, – мурлыкала служанка, – и вы очень стройная. Только откуда столько синяков? Вас били?

– Вот еще. Просто я люблю экстремальный спорт. С дубинками.

Бэб недоуменно вскинула брови:

– Простите, моя леди?

– Ах, неважно, – Даша с облегчением опустилась в воду.

Почему-то прикосновения острой бритвы и горячих пальцев служанки тревожили одинаково. И взгляд у бабы казался слишком знающим.

– Эй, хватит расслабляться, – в дверях стояла улыбающаяся Мари. – Тобой еще попозже займутся. А сейчас живо ужинать. Мне уходить нужно, а мы толком и не поговорили.

За столом Даша сидела в длинном халате. Одежку жертвовала Мари, и чувствовать себя в чужом душистом наряде из роскошного серебристо-черного шелка было странно. Даша чувствовала себя то ли умирающей, то ли рождающейся заново. Все было очень странно. Ужинали без слуг. Мари сидела рядом и без усталости болтала. В основном жаловалась на глупую войну, на хаос и бардак из-за отсутствия лучших людей королевства. Даша даже не пыталась уловить что-то полезное среди массы незнакомых имен и заумных тонкостей замковой жизни. Смущала сидящая напротив черноволосая подруга Машки. Миндалевидные черные глаза не отрываясь разглядывали Дашу. Оценивали, ощупывали так тщательно, что у Даши закрались нехорошие мысли о каннибализме. Очень красивая у сестры подруга. И почему-то пугающая. Может, потому, что не произнесла за едой ни слова. Ресницы

такие, что тень ложится в полщеки. Алые, тонкие, неистово чувственные губы. Необыкновенный овал лица. До неестественности густые локоны вольно падают на плечи. Легкое платье открывало бы чересчур много, но положение спасают украшения. По большому счету, такое количество серебра вполне может заменить доспехи. Смотреть в непроницаемо черные глаза было тяжело – Даша больше глазела на узкие кисти красавицы. Вилку жутковатая брюнетка держала небрежно и опасно. Как стилет. Но дело было даже не в этом – в изящных руках, отягощенных перстнями и браслетами, было что-то неправильное. Что-то, что мешало спокойно думать.

Стараясь сдерживать панику, Даша расправлялась с крылышком голубя. Ужин был легким. И птичка, и овощной гарнир оказались потрясающе вкусны, но... Как бы это сказать? На диете они здесь, что ли? Даша предпочла бы порцию пощеднее. Хотя и этой бы не подавиться...

Мизинца нет. Вот в чем дело. Такая красотка черноглазая и... Нет, не так – обоих мизинцев нет. Четырехпалые ладони, под украшениями сразу и не разглядишь. Значит, она...

– Что ты замерла? – Машка похлопала сестру по плечу. – Я тебя просвещаю, приобщаю к местной жизни, а ты в каких небесах витаешь? Тебе теперь в замке жить. Уясняй обстановку.

– Я слушаю, – пролепетала Даша. – Только неудобно. Мы смотрим друг на друга, и не знакомы. Ты бы не могла меня

своей подруге представить?

– Разглядела? – Маша засмеялась. – Молодец, многие так и не могут сообразить. Значит, от слова «дарк» в истерику не впадешь? Я знала, что ты у меня умненькая и вовсе не расистка. Эту девушку зовут – Врид.

– Очень приятно, – выдавила из себя Даша. – Вы ведь не немая?

Черноволосая улыбнулась. Снисходительно и насмешливо. Даша такого отношения к себе очень не любила.

– Не сердись на Врид, – засмеялась Мари. – Я ее попросила помолчать и не пугать тебя. Но ты стала за время своей дикарской жизни куда смелее. Думаю, Врид может с тобой поздороваться.

– Не всем нравится, когда мы разговариваем, – сказала девушка-дарк.

Даша ошеломленно заморгала. Манера Врид разговаривать производила шокирующее впечатление. Низкий, вибрирующий голос напоминал шипение огромной ящерицы. Но главное – за ровными белоснежными зубками мелькнул совершенно жуткий язык – ярко-малиновый, гораздо длиннее человеческого, и определенно раздвоенный. Язык- жало большой змеи. Или беса, которого в досмертном мире принято именовать чертом. Бесовка-чертовка.

– О! – сказала Даша. – Надеюсь, вы не слишком часто его прикусываете? Ой, простите, я глупость спросила.

И Машка, и диковинная Врид засмеялись. Девушка-дарк

смеялась, не размыкая ярких губ, и выглядела обычно – необычно красивой девицей. Машка смеялась, как будто сидела с подружками в обычном московском кафе. Как это давно было. Только Машкино бесстыдство с тех пор в неприкосновенности и сохранилось.

– Забавная девочка, – сказала Врид. – Помнится, ты, Мари, в первый раз реагировала чуть иначе.

– О, да! – согласилась Маша. – Вы меня тогда порядком напугали. Ну, Дашка, ты даешь. Я уж там, в вашем сарае, расстроилась. Вижу, слезы у тебя вот-вот потекут. Думаю – совершенно моя ранимая сестричка не изменилась. И как выжить умудрилась?

– Ты за меня не беспокойся, – заверила Даша. – Я теперь и на Луне выживу. «Опыт, сын ошибок трудных, и гений – парадоксов дух». Странно, что цитаты здесь так помогают, правда, Маш? А вы, Врид, потрясающе на обычную женщину похожи. Я имею в виду на человеческую. Так-то вы фантастически красивая. Разве что с Машей сравниться можете.

– Ой, Дашка, льстишь ты неумело, – Мари погрозила пальцем. – Кое-чему тебе еще учиться и учиться. С паириками ни одной человеческой женщине не сравниться.

– Сравниться, – возразила черноволосая дарк, глядя на Мари.

Дашу поразило странное выражение, промелькнувшее на лице красавицы. Так на саму Дашу в последнее время частенько смотрел лохматый. Странно, что и Машка, циничная

и бесстыдная, смотрела на черноволосую подругу с очень похожей нежностью.

Даша моментально почувствовала себя совершенно лишней. Даже как-то неудобно. Сидишь, двум красивым созданиям мешаешь общаться. Даром что сама в гости не напрашивалась. Удирать нужно. Только не сейчас.

– Значит, вы – паирика? – великосветским тоном поинтересовалась Даша и принялась вилкой гонять по тарелке ломтик голубятины. – К сожалению, никогда не слыхала. Вы из диких или из мирных будете?

Красавицы перестали согреть взглядами друг друга, с некоторым недоумением взглянули на юную сотрапезницу.

– Думаю, мы дикие, но не совсем, – насмешливо прошипела Врид. – Нас слишком мало, чтобы люди на нас ярлык с оценкой навесили.

– Конечно, – Даша с готовностью кивнула, – вы от людей совсем не отличаетесь. Я когда с вами ехала, совершенно ни о чем не заподозрила.

Черноволосая паирика издала смешок, снова мелькнул окаянный язык:

– Я тебя, Аша, в первый раз здесь за столом увидела. Ты с Даум сюда ехала. Люди нас редко различают.

– Правда? – Даша с восхищением посмотрела на паирику. – А мне-то все кажется, почему у вас волосы длиннее стали? Вы, наверное, сестры?

– Мы родственницы, – сдержанно сказала Врид.

– Даш, а Даш, – Мари оперлась локотками о стол и с глубоким интересом рассматривала сестру, – ты кому мозги дурить? Ты и наивненькая была, и трусливенькая, но уж дурочкой я тебя никогда не называла. Что ты нам зубки пытаешься заговорить? Знаешь, Врид, а моя сестричка очень догадливой стала. И свои собственные интриги плести вознамерилась. Дашка, ты удрать собралась, правда?

– Зачем? – паирика посмотрела Даше в глаза, и от этого взгляда начала кружиться голова. – С нами, Аша, хорошо. Разве нет?

Даша стиснула вилку. До чего же красивая тварь. Наплевать, что змея, наплевать, что явно гипнотизирует-очаровывает. Красивая.

– Перестань, Врид, – Мари взяла четырехпалую кисть подруги, – пусть по-честному будет, без магии. Она мне сестра. Хочу, чтобы поняла.

Пайрика встряхнула головой, рассыпая черные локоны:

– Без магии. Твоя сестра слишком на тебя похожа. Жаркая.

– Это вы бросьте! – возмутилась Машка, очаровательно оттопырила нижнюю губу и хихикнула: – Дашка, немедленно перестань всякие неприличности думать! И что такое с тобой сделали эти воришки? И ты, Врид, перестань на малышку так смотреть. Пусть в себя придет. Сними с нее чары.

Пайрика пересела на стул рядом с Дашей, бережно взяла за запястье. Девушка чуть не шарахнулась, – казалось, сто-

ит змее тронуть, и сама Даша выкинет что-то бесстыдное, от чего потом всю жизнь мучиться будешь. Но прикосновение странным образом сняло то тяжелое и жаркое чувство, от которого так напряглись ноги. Рука у черноволосой была приятная, теплая, почти дружеская. С другой стороны села Мари, погладила по волосам:

– Что ты, малыш? Не психуй.

– Вы меня пугаете, – совершенно искренне пожаловалась Даша. – Не нужно так делать.

– Все-все. Это случайно. Ты просто Врид симпатична, – Мари чмокнула сестру в щеку. – Потом объясним, не волнуйся.

Даше хотелось заскулить. «Не волнуйся» – да?! Стало легче, но необъяснимое желание – пусть и черноволосая дарк поцелует в другую щеку, хотя бы и по-сестрински – никуда не делось. Вот он, ужас-то. Неужели Костяк это ощущение и называет «желанием»? Так и спятить можно. Была бы ты парнем, давно бы штаны порвались.

– Дашка, в себя приди! – приказала Маша. – Откуда такой темперамент?

– В голубях сухого фенне много, – прошипела Врид. – Ты же любишь, когда много кладут. Дитя не привыкло.

– Вечно что-нибудь у нас приключится, – Машка выругалась и хихикнула. – Даша, водички попей. И давай о делах поговорим.

Машка говорила тихо, обнимала за плечи. Черноволосая

дарк сидела рядом, колено ее касалось колена Даши, и это было так приятно, что временами девушка почти не осознавала, о чем рассказывает сестра. Покой, умиротворение, лишь на дне пряталось возбуждение. Как свинья, устроившаяся в самой уютной липкой луже.

Даша слушала, а мысли улетали к покойному Вас-Васу, к Эле, к непочиненной крыше дома. К лохматому. И почему-то к огромной постели в соседней спальне. К чудовищу змеязыкому, что рядом сидит. Ой, быстрее опять к свиньям. Мысли циркулировали по короткому кругу, но странным образом уже не мешали слушать.

У Машки имелись обширные планы. Даша была нужна в замке. Именно такая как есть – неопытная, наивная, не знающая никого из первых лиц королевства и, соответственно, неизвестная им. Нужна в качестве приближенной служанки, наперсницы, компаньонки. Есть такая дама – леди Эрнмас. Сейчас она прихворнула, лежит в своих покоях, тоскует. Развлекать ее – работа скучная, но необременительная. Привередничать леди Эрнмас не будет. С ней договорено.

– Перескажешь ей «Му-Му», она до глубины души проникнется, – Машка жизнерадостно хихикнула. – Леди Эрнмас – тетка неплохая. Я тебя к какой-нибудь старой вонючке не подсуну.

– А за кем я шпионить должна? – вяло поинтересовалась Даша.

– Присматривать, – поправила сестра. – Леди Эрнмас в

Большой башне обитает. Там еще ее прапрадедушка жил. Практически это их фамильные апартаменты. Из окна отличный вид на Гостевую башню. Там сейчас лорд Дагда гостит, со своей свитой. Слышала про такого? Здоровье у лорда-регента неважное. Даже с войском не пошел, в замке остался, сидеть у нас на шее. И очень нехорошими делами он занят, – с очевидным негодованием закончила Мари.

– А что я заметить могу? – изумленно спросила Даша. – Он что, свои тайные документы перед окном сушит? Тогда мне телескоп нужен.

Выяснилось, что заботой о секретных документах и профессиональной слежкой уже занята уйма людей. По большому счету, все, кто остался в замке, выполняли двойные обязанности. Вот только ничего путного пока выследить не удалось. Вместе с лордом Дагда в замке остались не больше двух десятков его людей. Устроить переворот со столь ничтожными силами гость явно не в силах. Из Гостевой башни лорд практически не выходил, Стены Цитадели вообще не покидал. Лечился. С ним осталось два личных врача и какой-то колдун. Двое слуг, через день отправлявшиеся на рынок, действительно покупали только травы и кое-что из продуктов. За ними следовал целый хвост шпионов, но ничего подозрительного замечено не было. Изредка лорд Дагда встречался с королем. По-стариковски беседовали, обменивались впечатлениями о своих бесконечных болячках и обсуждали последние новости о ходе боевых действий. От экспедицион-

ного корпуса донесения поступали редкие и невразумительные. Последние дней десять известий от принца Берна вообще не приходило.

– Я не поняла, – жалобно призналась Даша. – Что здесь подозрительного? Сидит старый хрыч, ждет известий. Если никто ничего опасного не заметил, неужели я замечу?

– Дашка, ты не дура, но и мы тебя не глупее, – сердито прошептала сестра. – Он замышляет что-то. Я чувствую. Это такая хитрозадая скотина, Черчилль и Берия ему и в подметки не годятся. Говорит – заслушаться можно. И, кроме того...

– В Гостевой башне – магия, – прошептала Врид. – Много и каждый день.

– Паирики умеют колдовать? – спросила Даша, вздрагивая. От низкого голоса черноволосой дарки снова побежали мурашки по коже.

– Мы умеем. Немного. Но там другая магия, – пояснила красавица. – Нам не понять.

– Я-то что могу? – жалобно спросила Даша. – Я и мага-то живого никогда не видела.

– Смотреть можешь, – дружно прошептали красавицы в оба уха.

Даша затрепетала. Вот уж никогда не думала, что сидеть между двумя бабами будет так... странно.

– Дашка, ты можешь заметить то, что никто не поймет, – прошептала сестра. – Револьвер, телефон, рацию, бомбу. Пу-

лемет или баллон с ядовитым газом.

Даша замерла. Так... Допустим, лорд Дагда действительно из «пришлых». Об этом еще доктор Дуллитл говорил. Ну, пушку он какую-нибудь изобрести мог. Самопал какой-нибудь. Но телефон или рацию?!

– Рот закрой, – посоветовала сестра. – Не мы одни сюда из другого мира свалились. Можешь в такое поверить?

– С трудом, – пролепетала Даша.

Куда нам, тупеньким, верить? Мы же в хирургических операциях не ассистировали, с отставным полковым врачом коньяк не нюхали.

– Я поняла, буду следить, – Даша покосилась на сестру. – Маш, а вы с Врид теперь Перчатки, да?

– Ну, ты додумалась, – Мари засмеялась. – Время Перчаток давно прошло. Мы не идиотки. Жирные задницы, что на тронах штаны протирают, своими телами закрывать не станем. Нам собственные шкурки дороже. Но мы верноподданные. Очень-очень. В Канноте жить неплохо. Правда, Врид? Спокойно и перспективы есть. При короле неплохо, а когда наш Берн трон займет, еще лучше будет. Он мужчина достойный.

На подмигивание сестры Даша отреагировала слабо. Да идите вы со своими королями, регентами и прочими идиотами... Нашли чекистку. Пообещать можно многое. Но обещать не значит жениться, как говорил один противный шофер с папиной работы. В XXI веке к заплесневелым монар-

хиям всерьез ни один нормальный человек относиться не станет. Главное – из замка выбраться, пусть потом по всему городу ищут.

– Дашенька, ты, сестричка, всякие глупости из головы выкинь, – вкрадчиво посоветовала Мари. – Я же по твоим глазам все равно что по страницам «Вог» читаю. Не нужно от нас удирать. И нам заботы доставишь, и тебе неприятно будет, когда отыщем. Мы хоть и не сказочные Перчатки, но на нас люди принца без всяких шуток работают. Давай-ка вместе о спокойствии в Канноте позаботимся. И свои попочки защитим. А потом, если тебе в замке не понравится, я тебе дом в городе куплю.

– В замке круто, – пробормотала Даша. – Только я еще не привыкла.

– Лгунья ты, – грустно сказала Мари. – Все на меня обиду держишь.

В дверь коротко забарабанили, и на пороге появилась очаровательная женщина.

– Пошли, уже опаздываем.

Еще одна паирика. Теперь Даша сразу их отличала. Эта будет постарше и Врид, и той ее близняшки по имени Даум. Эта, наверное, даже красивее – такой роскошной длинной стрижки в старом мире и не увидишь. А губы – просто бесподобны.

– Ждет нас? – спросила Мари, вскакивая из-за стола.

– Не знаю, – сказала пришелица, с откровенным инте-

ресом разглядывая Дашу. – Ты сестричка, да? – красавица машинально облизнула губы. Движение раздвоенного языка произвело столь шокирующее впечатление, что Даша опять замерла, как загипнотизированный кролик. Старшая паирика тихо засмеялась.

– Пошли, не сейчас, – напомнила Врид, пряча в рукава платья длинные стилеты.

– Дашка, сиди смирно, – торопливо приказала Мари, набрасывая на волосы черный шелковый шарф. – Дверь будет заперта. Это для нашего общего спокойствия. Не балуйся. Если до утра не вернемся, тебя Бэб завтраком накормит. Будь умненькой. А сейчас марш к себе...

* * *

Ночь Даша провела на удивление беспокойную. Кровать была мягка и просторна, великолепные простыни ничем не уступали постельному белью из досмертного мира. За тончайший полог, колышущийся над кроватью, не проникала мошка с близкой реки. Только заснуть никак не удавалось. Жарко, беспокойно. Даша давно уже лежала обнаженная – сорочку из тонкого розового шелка стянула с взмокшего тела и швырнула на пол. Но от собственной обнаженности было еще беспокойнее.

Даша просыпалась, должно быть, раз сто. Волосы слиплись, от тоски и возбуждения ныли ноги и живот. Девуш-

ка сползала с высокой постели, шлепала босыми ногами по циновкам, пила неприятно теплый апельсиновый сок. За узкими окнами привычно вскрикивали желтяки – силуэты маленьких ночных попугаев мелькали над башнями. Темнела каменная теснина у ворот. Покачивался одинокий фонарь над дверью караулки. Замок вымер, весь мир вымер, осталась только неуравновешенная Дарья Георгиевна со своими страхами и необузданными фантазиями. Кошмар. Даша сидела на стуле, пила сок. Тело медленно остывало. Хотелось привычного кисленького компота. И еще хотелось совсем непривычных вещей. В голове крутились обрывки непристойных сцен, что довелось видеть в жизни. Оказалось, просто уйма дряни в памяти застряла. Все гадости, начиная от паршивых нелегальных DVD и кончая куда более реалистическими звуками, доносящимися из-за занавески, в памятной гостиничной комнате, разделенной с неунывающей многоопытной Донной. Хотелось. Хотелось кого-нибудь в постель. Почти все равно кого, хотя перегревшейся голове мерещились и определенные кандидатуры. Одни пугали почти до тошноты. За другую кандидатуру, за глупого дурного лохматого, так и хотелось уцепиться. Лечь под него, обхватить руками и ногами, пусть успокоит. Дурак дурной. На губах плыл вкус его поцелуев, запах сыромятной кожи щеко-тал ноздри. Похоть. Ой, до смерти околдовали! Даша старалась не стонать. За дверью, в покоях Мари, стояла мертвая тишина. Тишина была и за другой дверью, в коридоре-галле-

рее. Во всем мире остались только попугаи. И обезумевшая от похоти девка.

Даша шла в ванную комнату, плескала на пылающую кожу воду из таза. Теплая вода, горячее тело. Потом девушка сидела под дверью в покои Мари. Там комнаты просторнее. Там прохладнее. Там кровать размером с ринг. Как они на этом ложе, все сразу или... Может быть, уже вернулись? Ой, сучка Машка. Сучка, сучка, сучка!!!

Хотелось скрести ногтями дверь.

* * *

– Госпожа Аша, вы еще спите?

Даша забарахталась, выбираясь из липкого сна. За туманом полога маячила чья-то фигура. Кто? Что? Ну да – Бэб. Служанка.

Даша с облегчением села, прижимая к груди простыню, хрипло сообщила:

– Я проснулась.

– Простите, моя леди, – сказала смутная Бэб. – Завтрак ждет, и все для умывания готово. Сорочку вам подать?

Даша с облегчением схватила просунутую за полог рубашку. Тело остыть не успело – розовый шелк лег на кожу тяжело, как шерстяной свитер.

Когда умытая и слегка посвежевшая Даша сидела за столом и впихивала в себя довольно безвкусный омлет, Бэб со-

чувственно спросила:

– Плохо спали, моя леди?

Даша бросила на служанку подозрительный взгляд. Знает что-то или просто так ляпнула?

– Тяжелые ночи, – пояснила Бэб, ловко застывая постель. – Я сама толком не спала. На кухне говорят – во всем магия виновата. Воздух от нее тяжелый. Это все дарки. Под самыми стенами бродят. Говорят, йиены снова в стаи собираются.

Даша неопределенно дернула плечом. Вот уж про кого, а про йиен за ночь ни разу не вспомнила. Да и вообще не головой думала. Мерзко. По правде говоря, та бурная ночь во дворе «Треснувшей ложки» сейчас едва ли не отдыхом казалась. Подумаешь, с тухлым трупоедом обнималась. В этой спальне по части объятий и не такое в голову лезло. Ладно, сейчас за узкими окнами сияет солнце. В голове – относительная трезвость. Нужно о будущем думать и о том, как удрать отсюда побыстрее.

Поболтать с Бэб оказалось довольно полезно. Служанка была в курсе последних событий в замке. Пока новаявленная леди завтракала, обсуждали модные новинки. Даша, не без некоторого удовольствия, поняла, что полностью улавливает, о чем идет речь. Здесьний генератор модных тенденций проживал в соседних комнатах, и Бэб весьма гордилась, что одной из первых узнает о последних нововведениях по части одежды и причесок. Даша уяснила, насколько ответственная

роль отведена сестрице в жизни замка. Да, Машка, конечно, отъявленная сука, но без нее благородные дамы Каннута на-верняка с тоски зачахнут. Легкомысленная Машка – двигатель прогресса. Обхохочешься. Хотя Мари уже не такая легкомысленная. Она и эти... Даша почувствовала, как мгновенно обдало жаром бедра. Пришлось полностью сосредоточиться на болтовне со служанкой.

Бэб тактично предложила юной госпоже подровнять волосы, и Даша охотно согласилась. Служанка ловко щелкала ножницами, рассказывала о короле и принце Берне. Даша слушала и запоминала – пригодится. За стенами замка о короле никто ничего толком не знал. Горожан дела двора как-то и не очень интересовали. Возможно, в Центральной господской части города дело обстояло и иначе, там политической должны больше увлекаться. Вот живешь в одном не таком уж большом городе, а как будто в разных мирах. Костяку интересно будет про замок узнать. И другим «деловым» тоже стоит рассказать. Ресничка теперь свое место будет знать. Эле, наверное, станет расспрашивать, что в замке изменилось. Она же вроде местная. Может быть, в этих самых комнатах и жила. Нет, Перчатки безотлучно при принце находились, – значит, в самой Цитадели обитали.

Платье оказалось вполне ничего – скромное, но материя куда получше, чем Даша могла себе позволить даже в самых радужных мечтах. За такой наряд придется пять Вас-Васов откормить и продать. Конечно, талия слегка заужена – ды-

шать сложно. Хорошо, что Машка корсеты в моду ввести не додумалась. Позадыхались бы дамы в такой жаре.

Даша покрутилась перед зеркалом. Подстриженные волосы блестят. Бэб после мытья втерла в них какой-то бальзам. Сказала – дико дорогой, самый что ни на есть магический. Ну, пока прическа выглядит неплохо. Волосы сзади подстрижены высоко, как принято в досмертном мире. Платье сидит прекрасно, с размерами Машка всегда угадывала стопроцентно. Мягкие расшитые туфельки уютно облегают ступни. В такой обуви с ведрами к колодцу не попрешься, но по замку гулять в самый раз. Значит, компаньонка и шпионка? Как же, держите карман шире. Дайте только за дверь выбраться без шума.

К Эле идти будет нельзя. Нужно без «хвоста» добраться до «Треснувшей ложки», но внутрь не заходить. Перехватить кого-нибудь из своих, пусть передадут весточку Костяку. Придется отсиживаться на Пустых хуторах. Лохматый сумеет все толково объяснить Эле. Через три-четыре месяца шум уляжется, тогда можно будет и в город вернуться.

А платье оставим для торжественных случаев. В Западном углу такому наряду все женское население позавидует.

Даша снова полюбовалась на себя в зеркало, поправила шнуровку на узком вырезе. Между прочим, очень даже ничего девушка. Хорошенькая. Слегка декадентский типаж, но здесь таких выражений никто не знает, и смущаться нечему. Жаль, с собой такое здоровенное зеркало прихватить не

удастся. Ой, кое-кто уже совсем как лохматый рассуждает. Воровская подружка.

Бэб принесла поднос с обедом. Овощное пюре, нежнейший кусочек рыбы, поджаренный хлеб, вафельные трубочки, начиненные легким сыром. Даша попросила служанку посидеть рядом, съесть пару вафель. Разговаривали о новостях из города. Сегодня про диких дарков болтали столько, что и вовсе не верилось в правдоподобность слухов. Вроде в городе дарков прячется уже больше, чем людей. Все караулы усилены, даже королевские гвардейцы район Центрального города патрулируют. Хорошо, что в замке все спокойно.

Даша старалась не смотреть на связку ключей на поясе Бэб. Двинуть кувшином по затылку – и вот она, свобода. Со служанкой будет нетрудно, она хоть и выше ростом, да вряд ли ее отставная Перчатка приемам нападения учила. Только жалко. Пока Бэб была девушке симпатична – доброжелательная, каждый раз извиняется, когда дверь запирает. Сгноит Машка потом невинную прислугу. Сурова Мария Георгиевна ныне, даром что все время улыбкой сияет.

Попробуем покинуть замок без насилия. Вот только как за ворота выйти? Полукровка как-то упоминал, что прятался в замке. Хвалился, что шныряет через стены свободно. Ну, на то он и Минимум. А ты, Дарья, отрастила себе фигуру громоздкую, не в меру темпераментную. Фу...

... – Между Бобовой улицей и Пристанями все проулки перегородили, – рассказывала Бэб, – и всю ночь костры жгли.

А перед самым рассветом на охрану два хобия выскочили. Шесть человек в клочья порвали. Ни копья, ни рогатки-заграждения не помогли. Что толку охранять, когда в каждой щели кто-то из диких дарков зубы скалит, норовит на спину человеку прыгнуть?

– Преувеличивают, наверное, – возразила Даша. – От Бобовой улицы до Пристаней шагать устанешь. Да еще Каменный канал рядом. Где там все перегородить? Сплетни одни.

– Может быть, – слегка смутившись, согласилась Бэб. – Я у Пристаней всего один раз была. Все равно страшно. Мы хоть и за стенами, да ведь войск в замке почти не осталось. Кто нас защищать будет, если дарки в замок сунутся?

– Беспокойное время, – вежливо кивнула Даша.

Ха, тоже тема для беспокойства. В Западном углу вообще никакой охраны нет. Стражники, что на ночь в башнях запираются, только собственные задницы и стерегут. Ничего, народ выживет.

– Госпожа Аша, вам леди Мари не говорила, когда она вернется? – явно нервно спросила Бэб. – Очень долго их нет.

– Нет, – сказала Даша. – Сказала только, что могут задержаться. Ты не волнуйся.

– Что-то пусто в замке, – пробормотала служанка. – Не по себе как-то. Вы не знаете почему...

Где-то в Цитадели торопливо ударил колокол. Три быстрых удара, еще три...

Бэб вскочила на ноги:

– Новости важные. Наверное, принц Берн в сражение вступил. Пойду, узнаю. Вы уж извините...

– Запирай-запирай, – благодушно сказала сытая Даша. – Мне спокойнее будет. Никакие дарки не залезут.

* * *

Высоко. Даша лежала животом на подоконнике. По до-
смертному исчислению – до земли около десяти метров. По
приблизительным прикидкам, из постельного белья и гобе-
ленов выйдет веревка нужной длины. Только к чему ее при-
вязывать, вот в чем вопрос. Оконная рама человеческого ве-
са, пусть даже и не дотягивающего до среднестатистической
нормы, не выдержит. К тому же надежно зацепить веревку
можно, только выдавив стекло. Беззвучно такой фокус не по-
лучится – мутное стекло по здешним меркам большая цен-
ность, и оно надежно запаяно в свинцовую окантовку. Наве-
ли роскошь.

Даша раздраженно прошлась по комнате. Никаких усло-
вий для бегства. Высокий третий этаж, веревок нет. По-
стельное белье на ленты драть пока опрометчиво – потом не
оправдаешься. Да еще во дворе замка воцарилось совершен-
но неуместное оживление. К воротам то и дело подходят бла-
городного вида господа в сопровождении слуг, нагруженных
вещами. Похоже, сегодня в замке многим не сидится. Услы-
шать, о чем говорят, Даше не удавалось, но вид у стражников

был растерянный. Вон как выстроились со своими гизармами нелепыми. Что там стряслось? Своих забот полно, но все равно интересно.

Застучали копыта, из Цитадели к воротам подкатила повозка с наваленными пожитками. Рядом на роскошной лошади трясся престарелый дяденька. Его сопровождали двое гвардейцев. Не глядя на стражников, поспешно въехали в арку ворот. Возница на повозке подхлестнул лошадей. Караул у ворот посмотрел вслед, десятник в шлеме с плюмажем сердито сплюнул.

Даше и самой хотелось плюнуть вниз. Время шло, а умных мыслей что-то не появлялось. До сих пор единственной ценной вещью, способной пригодиться во время бегства, оказалась ножка от высокого резного столика. Отломать ее стоило немалого труда, но дубинка получилась надежная. Теперь красться по ночным улицам будет спокойнее. В том, что бежать придется ночью, Даша теперь была уверена. С веревкой можно выдумывать что угодно, но спуститься на глазах у десятка стражников никак не удастся. Что бы у них там ни стряслось, но такой акробатический трюк привлечет внимание. Тем более сама Даша в последний раз лазила по канату на уроке физкультуры еще в досмертной жизни. Сорвешься – доктора Дуллитла в городе нет, гипс на поломанные ноги накладывать некому.

Ничего-ничего. Что-нибудь придумаем. Даша с удовольствием посмотрела на искалеченный столик. Стоит себе у

стены, вазу на себе держит, как ни в чем не бывало. И не догадаешься, что только стена колченогий стол и подпирает.

Даша снова легла животом на подоконник. Солнце уже цеплялось за зубцы замковой стены. Вечереет. Придется все-таки простыни раздирать. Если удастся привязать «канат» к постели, можно будет рискнуть спуститься. Ложе здесь такое массивное, что и втроем не сдвинуть. Для развлечений кроватка предназначена. Ладно, значит, руками и зубами придется за «канат» цепляться, ногами тормозить. Ничего страшного – три-четыре десятка движений, и узница на земле. Ага, страшно и даже очень. Ну, людей ножом тыкать в первый раз тоже было страшно.

Снова застучали копыта. Теперь замок покидал одинокий всадник. Десятник у него что-то спросил. Всадник только раздраженно взмахнул плетью. Его пропустили. Странно как-то. Ни одного офицера у ворот. Движение одностороннее, всем что-то срочно понадобилось в городе. И тихо как. В крыле, где располагаются покои Мари, мертвая тишина. Бэб так и не вернулась, рассказать, что стряслось, некому. От сестрицы ни слуху ни духу. С одной стороны – хорошо, никто побегу мешать не будет. С другой... как-то тревожно.

Даша засопела, подошла к постели и решительно выдернула из-под покрывала нижнюю простыню. Думай – не думай, а что-то делать нужно. Рвать мягкую ткань пришлось зубами. Даша оторвала широкую ленту, принялась свивать в жгут. Эх, привычного ножа не хватает.

Работа успокаивала. Метра четыре надежной веревки оказалось готово. Даша варварски уничтожила один из гобеленов. Покрывало оставила на потом. Еще в резерве остается чехол матраца – тоже шелковый, крепкий. Вот только куда содержимое матраца девать? Поймают, за один лишь учиненный беспорядок прилюдно казнят.

Работая, Даша напряженно прислушивалась. За дверьми по-прежнему стояла полная тишина. Во дворе, у ворот, жизнь теплилась. Еще были слышны голоса людей, спешно покидающих замок. Потом активно затопали сапоги, забречало оружие. Девушка не выдержала, выглянула – охрану ворот усилили вдвое. Этого еще не хватало. Солдаты подтаскивали к воротам рогатки. Командовал какой-то сильно прихрамывающий лорд. До Дашиного окна отчетливо долетала его ругань. Среди копеечников теперь мелькали и лучники с колчанами, набитыми стрелами. Неужели отражать приступ готовятся?

Даше хотелось заскулить. Сидишь как дура, ничего не понимаешь. Чего ждать? Что здесь вообще происходит? Была бы Эле, она бы все растолковала.

Девушка с удвоенной энергией принялась за веревку. Главное – спуститься с этого проклятого этажа. Потом можно на стене спрятаться, настоящую веревку найти. Если пробраться на восточную сторону замка, удастся спуститься, там стена невысокая. Вот только стражников и там, наверное, полно. Придется утра ждать. Могут поймать как вульгарную

пиратскую шпионку. Или дарковскую лазутчицу.

Шорох заставил Дашу вздрогнуть и сунуть узловатый «канат» под кровать. Звук шел не от дверей, а от окна. Там, в сгустившихся сумерках, мелькнуло что-то небольшое. Крылан-вампир, о которых столько болтают? Или попугай-желтяки совсем обнаглели? Даша выдернула из-под подушки ножку-дубинку и двинулась к окну. В верхней части окна мелькнуло нечто знакомое – потерянный нос башмака. Рядом крысиным хвостом вздрагивал длинный тонкий шнур.

Даша опустила оружие.

Едва ноги Костяка коснулись подоконника, парень мгновенно спрыгнул на пол комнаты, замер, присев на корточки.

– Что так долго? – укоризненно поинтересовалась Даша. – Я уж думала, ты не придешь.

Костяк посмотрел на подружку снизу вверх. Лицо у него от напряжения было кирпично-красным. Окинув взглядом комнату, парень плюхнулся на задницу и принялся отдуваться.

Даша смотрела на него с новым странным чувством. Вот стоило увидеть дрыгающиеся в окне худые ноги, и все стало на свои места. Оказывается, только его и ждала эти два дня. Дурища, ты же к нему действительно нежно относишься.

– Думаешь, это легко было? – пробормотал лохматый. – Пока сообразили, где ты отдыхаешь. Пока я в это крыло дома перебрался. Полдня, чтобы двор перейти понадобилось, чтоб они все сдохли. Между прочим, на этих дверях лучшие

в городе замки...

Даша опустилась на колени, чмокнула парня во взмокший лоб, потом поцеловала в губы:

– Хватит болтать. Отдышись, и валим отсюда.

– Ты пойдешь? – Костяк запнулся. – Правда, пойдешь? Эле сказала, чтобы я с тобой обязательно поговорил. Хотя бы напоследок.

– Что это еще за «напоследок»? – Даша хотела обидеться, но передумала. – Я с самого начала знала, что уйду. Только ты мне почему-то не рассказал, как из замков положено удирать. Вот я здесь голову ломала, веревки дурацкие плела. Хорошо, что ты пришел.

– Ты уверена, что хочешь уйти? – пробормотал лохматый. – Здесь так богато.

– Ты бы еще там посмотрел, – Даша ткнула пальцем в запертую дверь, ведущую в покои Мари. – Вон где непомерная олигархическая роскошь. Только я к вам хочу. Совершенно определенно. Можно мне будет пока на Пустых хуторах спрятаться? Или вы со мной теперь связываться не рискуете?

– Вот дурочка, – прошептал Костяк. – Ты когда-нибудь могла представить, чтобы Эле глаза терла? Она тебя любит.

– А ты? – прямолинейно спросила Даша.

– Ты же знаешь. Мне без тебя плохо, – лохматый малодушно опустил глаза. – Только я тебе не пара...

– Как дам сейчас в лоб! – Даша фыркнула. – Ладно, по-

том лирикой займемся. Давай, выводил меня отсюда поскорее, пока никто не нагрянул.

– Хм, подождать придется, – Костяк по-прежнему не решался смотреть подружке в глаза, но с растерянностью уже справился. – На крышу я сейчас и один вряд ли поднимусь. Там выступ жутко неудобный. К дверям вашим шикарным ни одна отмычка не подходит. По правде говоря, уйти только через двор можно. Только сейчас мы не спустимся, – там оборону у ворот укрепляют, – заметят в два счета. Придется подождать.

– Значит, ты из-за меня опять в мышеловку полез, – с гордостью сделала вывод Даша.

Лохматый посмотрел на нее с изумлением:

– Мне очень нужно было с тобой поговорить.

– Разговорчивый какой, – девушка улыбнулась. – Ладно, раз нужно подождать, давай отдышись, водички попей, расскажи мне, что в городе случилось. Об остальном на свободе поговорим, – она схватила Костяка за руку и помогла встать.

– Ну и пышно же здесь, – пробормотал парень озираясь. – Высоко твоя сестрица забралась.

– Да ну ее в задницу, – Даша наполнила бокал из тонкого стекла.

Лохматый мгновенно проглотил чуть подслащенную и пахнущую лимоном воду, принялся оглядывать дорогой бокал. Постучал ногтем:

– С ума сойти! Ну и посудина.

Даша отобрала у него предмет восхищения, снова наполнила из серебряного кувшина.

На этот раз Костяк пил с чувством:

– И водичка ничего. Королевская.

– Может, вместо меня здесь останешься? – предложила Даша.

– А можно? – с надеждой прошептал парень.

Даша ткнула его кулачком в живот. Лохматый хрюкнул и сказал:

– Не, ты меня не уговаривай. Нынче все, кто может, ноги из замка уносят. Дурной день выдался для Каннутского королевства. Разгромили нашего принца Берна начисто. Гонец только утром до города добрался. Пираты идут по реке, со дня на день здесь будут. Народ из Каннута во все стороны бежит. Надеются отсидеться на хуторах. Только вряд ли. Идти некуда. Лорд Дагда со своим хитрозадым Калатером нас предал. Они вроде бы во время сражения в бой с пиратами так и не вступили. В самый решительный момент взяли и ушли от реки.

– Подожди, – ошеломленно пробормотала Даша, – но лорд Дагда ведь здесь, в замке. Сидит в старой Гостевой башне. Или он удрал?

– Нет. Он со своими охранниками в башне заперся. Наверное, надеется пиратов дожидаться. Молчит, на попытки вступить в переговоры не отвечает. Мы из конюшни все слышали.

– Подожди, я соображать перестала, – жалобно сказала Даша. – Кто это «мы» и при чем тут конюшня?

Лохматый подвел подругу к окну.

– Конюшня – вон она, – он показал на угол строения левее все еще суетящихся у ворот в свете факелов солдат. – Вот у конюшни чердачок имеется, там мы и сидели. Душно – просто жуть. Хорошо, что Эле все закоулки замка как свои пять пальцев знает.

– Так она там и сейчас сидит? – ахнула девушка.

– И она, и Минимал ваш любимый. Полукровка показал, как в замок проникнуть. Эле догадалась, где ты жить можешь. Мы там, считай, с раннего утра парились, еще до заварухи с этими известиями о поражении. Мы видели, как ты на ворота смотрела. Только я никак сюда пробраться не мог.

– Я не на ворота смотрела, – обиженно сказала Даша. – Я думала, как спуститься, – девушка выдернула из-под кровати разноцветный «канат». – Вот, почти готовый...

– О! – Костяк с удивлением покачал головой. – Ты что, думала с собой на память и мебель прихватить? Твоя веревочка бы выдержала.

– Не издевайся. Я брякнуться боялась. Между прочим, я из окон сроду не сползала. Давай быстрее отсюда выбираться. Хозяйка и Мин заждались, наверное.

– Они не глупее нас, – успокоил лохматый. – Видели, как я залез, и понимают, что пока у ворот стража не утихомирится, нам не выбраться. Эх, жаль я двери открыть не могу.

Тогда бы мы мигом отсюда смылись. Со стороны галереи я с замком долго ковырялся. И какой гад запоры такие выдумал? Придется ждать.

– Вы из-за меня так рискуете, – с ужасом прошептала де-вушка.

– Ты из-за нас тоже рисковала. Мы вроде как свои, – осторожно сказал Костяк.

– Я и не сомневалась, – Даша взяла парня за руку. – Я иногда глупая бываю, но потом все понимаю.

– Ну и хорошо, – смущенно сказал лохматый. – Нам бы хозяйке и коротышке какой-нибудь знак подать. Чтобы не думали, что мне здесь голову проломили и ждать уже нечего. Здесь какая-нибудь свеча есть?

– И свеча есть, и ламп и светильников полно. Только мне, как дитю, кресало не доверяют.

– Не беда, у меня есть, – пробормотал Костяк, – давай свечу...

Парень поводил зажженной свечой перед окном, потом убрал подсвечник в угол:

– Думаю, они поняли. Особенно светиться нам незачем. Внимание привлечем. Замок-то почти пуст.

– Костя, а что теперь будет? Неужели пираты в Каннута войдут?

– Ну, то и богам неведомо, – философски вздохнул лохматый. – Эле про поражение полдня рассуждала-бубнила. Она в таких вещах куда лучше нас разбирается, да и то пред-

сказать, что будет, не берется. Защищать-то город некому. Войск почти не осталось. Горожане на стены не пойдут. Из благородных в Канноте мало кто задержался. Не знаю, как пронюхали, но еще вчера бегство началось. Куча лордов, кто барки добыть смог, уже вверх по реке драпанули. Там такой городишко стоит – Роф. Слышала? Многие лорды там отси- деться надеются.

– Струсили все, значит?

– Не все, – Костяк кивнул на окно, – лорд Элкмар, даром что хромой, всерьез замок удерживать собирается. Правда, людей у него и полутора сотен не наберется. Купцы за При- стани насмерть встанут. Ну и наши «деловые» пиратов по- щекочут, когда в город вернутся.

– Откуда вернутся?

– Так с реки, – парень ухмыльнулся. – Гвоздь почти всех наших увел. Лорды-то, каждый сам по себе, драпают. Ой, не все они до Рофа доберутся.

– Значит, твои на реке пиратствуют, а ты со мной здесь сидишь?

– Даша, ты для всех моя подруга, – Костяк засопел. – Все знают, что тебя гвардейцы замели. Думаешь, для моих ребят так странно, что я тебя выручать полез? И не осуждай наших. Мы воры, нам за серебром и лихой жизнью охотиться сами боги подсказали.

– Не очень-то мудро со стороны богов. Да мне наплевать, – пробурчала Даша. – Я за трусливых лордов переживать не

буду. Обиравте их, и на здоровье. Мне, когда вы пьяных шмонаете или у хуторян кошельки срезаете, не очень нравится.

— Ротозеев всегда кто-то учит, — лохматый глянул неуверенно. — Можно мне еще попить?

— Да хоть все выпивай. Там еще три кувшина стоят, на любой вкус. И пойдем, умоешься. Когда еще в такой ванной побывать удастся...

Трепетал огонек свечи. Костяк фыркал, умываясь над ванной.

— Даша, а куда вода течет? Неужто как в банях? Здесь же высоко.

— Ну да, по трубе и течет. Лезь в ванну, я тебя окачу, как следует.

Спина лохматого чуть заметно вздрогнула:

— Так ведь...

— Ничего, раздевайся. Вымоешься хоть раз в жизни как нормальный человек. Давай-давай, ванна для этого и предназначена.

Костяк неуверенно развязал штаны, разулся, стараясь не поворачиваться к подружке, ступил в просторную мраморную емкость.

Даша смотрела на его худощавые беззащитные ягодицы. Уличный мальчик. Глупый. Надежный. Свой.

Лохматый вздрагивал, когда на его плечи лились медленные струи воды. Вода была чуть-чуть прохладной, но вздрагивал парень не от холода. Даша взяла кусок душистого аб-

рикосового мыла, и молодого вора начало трясти сильнее. Лишь раз Костяк попытался выговорить что-то насчет промокшего платья подруги.

– Мне перестать, да? – прошептала Даша.

Лохматый совсем не хотел, чтобы она перестала. Да девушка и не подумала останавливаться. Скользкие ладошки скользили по горячему трясущемуся телу. Даша точно знала, что ей хочется сделать, и ей очень нравилось блаженное бессилие парня. Вот каким покорным он бывает. Намыленные ладони ласкали впалый живот. Даша уже стояла в ванне, прижимаясь к спине парня. Лизнула позвонки, выпирающие из худой шеи. Кощей молоденький. Ладонь скользнула ниже. Лохматый издал ни на что не похожий звук. Щенок-переросток.

Даше нравилось. Мужское возбуждение, доступное и очевидное, ласкало ладони. С ним можно было делать что угодно. Например, поглаживать еще и еще. Увлекательное занятие...

От струй воды, поливших на плечи, лохматый задышал чаще, кажется, даже с облегчением. Ничего сказать он так и не смог. Даша поливала парня из кувшина, неторопливо, почти с тем же чудным, незнакомым удовольствием, которое доставили скользкие ласки. Спешить некуда, воды хватает. Девушка опорожнила второй кувшин, поставила на полку. Запустила пальцы в волосы парня, заставила повернуться к себе. Откуда-то возникла уверенность, что сейчас черногла-

зый поганец ни в чем не станет возражать. Даша поцеловала его в губы. По-настоящему. Глаза у лохматого были пьяные. Обнять подругу мокрыми руками он так и не решился. Даша смотрела ему в глаза, видела в них свое отражение. Бесстыдная юная вакханка. Распутная, чужая, красивая. Отблеск свечи прыгал-играл на блестящей от воды коже, и Даша поняла, что лохматый тоже красив. Да ладно, пусть и не очень красив, но он свой. Совсем свой.

Она опустилась на колени. Лохматый издал только протяжный бесконечный вздох. Даша знала, что ничего не умеет, но в конце концов теоретические знания из досмертной жизни тоже могли пригодиться. То, что разглядывала с безгловым интересом на нехороших сайтах в Сети, сейчас очень даже помнилось. Даша с совершенно ошеломившей ее саму страстью перешла к практике.

Пахло чистой водой, чуть мылом, под всем этим прятался родной запах сыромятной кожи и уличной каннотской пыли. И возбуждение парня оказалось крайне заразным. Даша задыхалась, чувствовала себя кем-то другим, но ни за что в жизни не хотела останавливаться.

Она без тени сомнений довела удовольствие до конца.

Лохматый хрипло и громко дышал на всю ванную комнату. Даша вышла из мраморной чаши, выжала намокший подол. Лицо у Костяка было блаженное и отсутствующее. Ну, просто клинический идиот. Даша сдержала истерический смешок – и сама-то чувствовала себя не совсем здоро-

вой. Возбуждение жаркими толчками билось в висках. Ты сошла с ума – ля-ля-ля, какая прелесть, – цитата из мультфильма, совершенно не имеющего отношения к произошедшему безобразию. О, боги...

Лохматый, надо отдать ему должное, выбрался из ванны самостоятельно. Ухватился за штаны. Парня ощутимо качнуло.

– Да подожди ты, – подавляя смех, приказала Даша. Подхватив полотенце, принялась вытирать жертву сексуального эксперимента. Костяк вдруг обнял-облапил за плечи с такой силой, что девушка охнула.

– Дашечка, что с тобою здесь сделали?

В голосе парня промелькнула такая паника, что Даша не выдержала и хихикнула:

– О, и что со мной здесь только не делали! Клали спать на мягкую постель, пытали бездельем и утонченной пищей. Сулили блестящую карьеру. Свращали разнузданными намеками. А я все тебя, дурака, почему-то ждала. Когда ты в окно корябаться начал, я по-настоящему поняла, как соскучилась.

– Ты раньше по мне совсем не скучала, – прошептал парень. Его дыхание обжигало шею Даши, и от этого почему-то еще сильнее застучало в висках.

– Костя, я вообще-то девка вздорная, – пробормотала Даша. – И тогда, на Навьих камнях, не нужно было из-за меня рисковать. Прости меня, пожалуйста.

Даша ошеломленно осеклась. При чем здесь Навьи камни? От возбуждения мысли совсем запутались.

Лохматый молчал, только целовал в шею. Чувствуя, как безвольно запрокидывается ее голова, Даша пролепетала:

– Ты бы штаны надел. Мы же все-таки не в «Треснувшей ложке»...

Перед воротами наступило затишье. Стояла невысокая баррикада из двух рядов рогаток, сбитых из заостренных кольев. Горели два ярких костра у стены. Тихо переговаривалась группа копейщиков. Хромого лорда Элмара видно не было.

– Даже хуже стало, – прошептал Костяк. – Пока костры не прогорят, высовываться нет смысла. Как на ярмарочной сцене на стене куклами повиснем.

– Костя, а зачем эти загородки? Ведь стены вон какие высокие, и ворота крепкие, – спросила Даша. – Неужели, если за ворота пираты прорвутся, их рогатки остановят?

– Пиратам ворота штурмовать долго придется. Рогатки не для них предназначены. Это от тех, кто под благовидным предлогом в ворота проскочить попытается. Свяжут коротким боем стражу, тогда и пиратам ворваться удастся. Хотя вряд ли. Стража бодрствует.

– Понятно, значит, диверсантов опасаются, – прошептала Даша.

– Наверное, – неуверенно сказал лохматый. – А кто это? Объяснять Даше не хотелось. Рубашку парень не надел,

и теперь его плечо просто огнем жгло плечо Даши. И смотреть не нужно, глаза у воришки темные, хочет продолжения. Не выплеснулось до дна желание. Даше и самой было трудно дышать – подоконник давил на грудь, как перевернувшаяся могильная плита. Все вверх тормашками. Ой, с ума сойти.

– Костя, а мне на войну наплевать, – безрассудно выговорила Даша. – Пойдем на кровать, а? Я хоть раз на нормальной постели хочу попробовать.

Руки лохматого мгновенно оказались на девичьей талии. Поцелуи жгли шею подруги и коротко подстриженный затылок. Даша опьяненно смотрела в темноту. Над зубцами замковой стены проносились быстрые силуэты ночных сычиков и мелких крыланов. Кто из них кого жрет, Даша так до сих пор и не знала.

– Аша, – жарко прошептал Костяк, – тебя здесь точно околдовали. Только я удержаться не могу.

– По... пользуйся, – пролепетала Даша. – Зря ты штаны натянул...

Она взлетела в воздух. Худые, но крепкие руки вора донесли девушку до темного простора постели. Даша отвечала на поцелуи, почти кусала рот парня, ловила язык.

– Подожди, я из этого проклятого платья выпутаюсь...

Даша, извиваясь, выползла из платья. Костяк развязал брюки, швырнул ремень с ножом и дагой на подушки в изголовье. Даша чуть не зашипела от нетерпения – какое еще оружие, когда дышать невозможно? Но лохматый уже был

рядом, уже целовал, и сразу стало легче. Оказалось, что быть голой рядом с голым мужчиной – самая важная вещь на свете. Жестковатые от мозолей ладони парня скользили по бедрам, и Даше хотелось, чтобы он был еще решительнее. Какие еще «прелюдии»? Она готова, уже сто лет как готова.

Потом Даша почему-то оказалась сверху. Лохматый дрожал, что-то бормоча, целовал небольшие упругие груди подруги. Даша занималась куда более забавными вещами – от ее ласк возлюбленный чуть не взрывался. Девушку опять охватило потрясающее ощущение всесильности. Ну, разве может быть большой кайф?!

Даша раскинулась на подушках. Лохматый, обнимая, осторожно и страстно оказался сверху. Миг, когда его слишком вкрадчивые движения чуть не взбесили Дашу, тут же забылся. От блаженной тяжести Даша завопила в колеблющийся полог. Нет, не завопила – поцелуй так вовремя закрыл рот. Даша вцепилась в горячие плечи парня. Кажется, ногтями. Но сейчас это было не важно. Глаза закатились, вихрь звездной тьмы заполнил мир. Даше показалось, что она лопнула расплавленным, ослепительно приятным золотом.

Нет, то была не Даша. Нормальная девушка вернулась в темную спальню чуть позже. Осознала, что это именно она выгибается, опираясь локтями и пятками, навстречу мужской тяжести. Костлявое чудище, невоспитанное и любимое, делало просто невыносимые вещи. Наплевать, где он такому научился. Даше хотелось завизжать во весь голос, поблаго-

дарить и сучку Ресничку, и, должно быть, целую сотню иных баб, которых перетрахал, набираясь опыта, лохматый. Только все, фигушки, теперь он только Дашин.

Костя урчал и что-то лопотал. Подруга с восторгом повиновалась его телу. Падала лицом в подушку, поднимаясь на колени, податливо сопротивлялась страстному давлению. Оглохла, ослепла, но чувствовала каждый миг. Ну разве можно называть это полное опьянение глупым словом «трахаться»? Все, что знала, все, что видела на экране монитора или слышала за занавеской, оказалось враньем и бредом. Пусть и достоверным по форме. Другое, все другое...

Даша еще раз слетела в космос, на этот раз сама заглушила вой, вцепившись зубами в подушку. Потом, почти осознанно, помогла отправиться в маленькую смерть лохматому...

– Дашечка, – прошептал вор, – ты любишь ругаться «пошлостью», но я тебя, правда, люблю. Мне все равно, почему ты с ума сошла.

Даша послушала, как взбесившимся метрономом стучит сердце парня. Собственное сердце скакало еще быстрее.

– Я с ума сходить и не думала. «Девочка дозрела», – поется в одной песне. Я просто очень путаная девочка. Но, кажется, я тебя, наглеца, тоже люблю.

– У тебя это просто в первый раз, – прошептал Костяк. – Всегда запоминается.

– И вовсе не в первый, – попыталась рассердиться Даша. – Уж кто-кто, а ты мог бы и помнить все детали моей интим-

ной жизни.

– Ты меня за тот раз извини. Если бы я знал...

– А ты меня за Навьи камни извини. Слушай, Костя, мы так и будем, как идиоты, извиняться?

– Да, сейчас не время. Мы еще поговорим?

– Вообще-то я надеюсь не только на разговоры, – хихикнула Даша. – Мне, знаешь ли, понравилось.

– Я тебе такую кровать обязательно достану, – пообещал парень. – Я тебе что угодно достану. Ты очень красивая, Дашечка. Я даже не представлял, что ты так за три дня измениться можешь. Я тебя едва узнал.

– Правда? – девушка попыталась пригладить то, что еще недавно выглядело новой прической. – А если я опять кабанов начну разводить? Без стрижки, платьев, с грязными руками?

– Я в тебя на пароме влюбился. Так что можно и без платьев. Я тебя всегда любить буду.

– Да? А знаешь, лохматый, ты попался. Я тебе верю. Теперь прилипну навсегда. Без платьев я обойдусь, но хорошую постель мы себе должны обеспечить. И спокойную жизнь.

– Согласен, – вор поцеловал подругу в распухшие губы. – Только сейчас нам бы встать было неплохо. Как ты думаешь, поковыряться с замком смысл имеет? Иначе мы здесь и месяц просидеть можем.

– Что-то делать нужно, – согласилась Даша, но тут лохма-

тый зажал ей рот.

За дверью, на галерее, застучали торопливые шаги. Костяк на четвереньках бросился за штанами. Со спины он выглядел забавно, но смеяться у Даши желания не возникло.

– Не сюда они идут, – зашипела девушка.

Лохматый, уже с одеждой, нырнул под покрывало.

– Попались мы, Дашечка.

Стукнула дверь в соседних покаях. Раздались приглушенные голоса.

– Дай мне нож, – потребовала шепотом Даша. Костяк сунул ей узкое «перо», а сам с дагой в одной руке попытался натянуть штаны. В то же самое мгновение в двери, соединяющей комнаты, звякнул ключ. Костяк мигом нырнул под покрывало. Даша поспешно кинула подушку на это возвышение.

– Дашка! Нашла время спать, – в комнату влетела Мари. Фонарь в ее руке раскачивался, бросая длинные тени на стены комнаты. – Живо поднимайся...

Мари посмотрела на бледную мордашку сестры, потом на поношенный башмак, предательски торчащий рядом с брошенным на пол платьем, и хихикнула:

– Дашка, ну ты даешь! Вот вечная скромница. Это твой багдадский вор? Покажи криминала.

– Ты о чем, Маша? – неуверенно спросила младшая сестра. – Я только заснула, а тут ты врываешься. Я, между прочим, голодная.

– Сегодня все голодные. Перестань, времени мало. Я на него посмотреть хочу.

Подушка зашевелилась, и высунулся Костяк:

– Прошу прощения, леди. Аша не виновата. Я сам залез.

Светловолосая красавица кивнула:

– Догадываюсь, что она тебя не арканом затащила.

Подняв повыше фонарь, Мари принялась с интересом разглядывать вора:

– Ничего. Молоденький, правда, и прическа панковская. Причесать, подкормить – обаятельный парнишка будет. Как у него с темпераментом?

– Машка, ты чего пристала?! – возмутилась Даша. – Тебе какое дело?

Старшая сестра покачала головой:

– Совсем ты стала невоспитанная. Я твоя единственная родственница. Кому, как не мне, о тебе заботиться? Только не сейчас, – она кивнула в сторону соседних комнат, где что-то звякало, звенело, и торопливо стучали каблуки. – Слышишь? Нам удирать нужно. Кончилась в Канноте мирная жизнь. Тебя с собой не возьму. За нами охотиться будут, а ты, мышка-норушка, лучше отсидись в щели какой-нибудь. Целей будешь. Я тебя потом отыщу.

– Что случилось-то? – ошеломленно пробормотала Даша.

– Принцу нашему голову оторвали. В смысле, армия Каннута потерпела поражение. Сокрушительное. Утром пиратский флот у города будет. У них какие-то баркасы и галеры

быстроходные. Впрочем, я ничего в кораблях не понимаю. Будет погром и грабеж. Это уж точно. Все, кто поумнее, уже удрали. Воришка, бери мою сестричку, и бегите подальше. Пираты здесь долго не задержатся, хотя от Каннута, наверное, мало что уцелеет. Ничего, ты парень вон какой пронырливый, – Мари довольно двусмысленно подмигнула. – Выкрутитесь. Даже хорошо, что ты здесь оказался. На улицах и без пиратов полный бордель и паника. И дарки, и еще какая-то сволочь непонятная безобразничает. Уводи малышку.

В комнату заглянула паирика в узких брюках и сапожках для верховой езды. В руках тяжелая переметная сума. Тряхнула черной гривой:

– Мари, нам пора. О, у вас мальчик? – прекрасная дарк с каким-то хищным интересом воззрилась на молодого вора.

Даша почувствовала, как лохматый сжался под покрывалом. Вот еще! Даша вскочила на колени:

– Мальчик мой! И не смотри на него так!

От хрипловатого смеха паирики у Даши побежали мурашки по спине. Сестра тоже смеялась:

– Дашка, ты что в постели с ножом делаешь? Извращенка малолетняя.

В комнату запрыгнули еще две паирики. Костяк оторопел – похоже, четыре сногшибательные красавицы было для него уже чересчур.

– Что? – поинтересовалась старшая паирика. – Гость?

– Молодой, – томно прошептала ее подруга и облизнулась.

Даша ухватила дернувшегося Костяка за руку.

– Перестаньте, – улыбаясь, сказала Мари. – Это парень малышки. Он о ней позаботится.

– Повезло маленькой, – согласилась первая паирика, кажется, Врид (Даша их опять перестала различать). Красавица смотрела на парочку в постели так, что девушке хотелось завизжать.

– А кто о нас позаботится? – поинтересовалась старшая дарк. – Мари, нужно уходить. Мы не выскочим.

– Да, времени в обрез, – Мари шагнула к кровати. – Дашка, чмокни меня на прощание. И не обижайся. Я тебе всегда только хорошего хотела. Честное слово. Вы сейчас не разлеживайтесь. Хватайте что поценнее и в город. Страже приказано всех выпускать. Если вообще этот замок кто-то еще охраняет. Удирайте.

– Ладно, – Даша, не слишком заботясь о своей обнаженности, обняла сестру. – Ты осторожнее. Вы куда теперь?

– Найдем местечко поуютнее. Не волнуйся, мы с девочками тебя отыщем, – Мари чмокнула сестренку в ухо. – Вообще-то здесь весело, правда? Я о том взрыве в кино уже не жалею. Маму только очень жалко. Все, мы сматываемся.

Две паирики уже стучали каблучками в коридоре. Врид задержалась в дверях:

– Аша, когда встретимся, мы тебя научим настоящему. Магии. Ты нам понравилась. Идем, Мари-светлая, время.

– Да, – Маша торопливо погладила сестру по щеке. – Ухо-

дить нам нужно, Дашка. Черт, даже с этим ублюдком, с Дагда, рассчитаться не успели. Все из-за него. Ладно, ты только уцелей, малышка. А ты, криминал, о ней хорошенько заботься. Проверю, – светловолосая девушка улыбнулась и выскочила из комнаты. Слышно было, как ее шипят-зовут подруги с галереи.

Когда стук каблуков стих, Костяк обессиленно откинулся на подушку:

– Даш, это кто был?

– Моя сестра с подружками, – попыталась небрежно объяснить девушка, но получилось неубедительно. – Кость, они тебя сильно зацепили? О чем-то другом думать можешь? – сочувственно прошептала Даша.

– Да, о тебе могу, – лохматый крепче ухватился за ее руку. – Дашечка, я чуть не сдох от страха и вообще... Она же как посмотрит... Кто они такие?

– Это такие дарки в бабьем обличье. Красивые и страшные. Мне и самой от них дурно становится, – призналась Даша. – Слушай, не будем о них, а? Давай оденемся. Двери нараспашку, неизвестно кто еще сюда притащится.

Очевидно, лохматый все-таки пришел в себя, потому что штаны он натянул с поразительной скоростью. Даша еще путалась в платье, а Костяк уже стоял одетый и обутый, с дагой за поясом, и подозрительно оглядывался.

Даша завязала шнурки своих игрушечных туфелек и шепотом спросила:

– Забираем Эле и Мина и напрямик к воротам, так?

Костяк яростным жестом приложил палец к губам. Даша замерла, прислушиваясь. За окном шелестел ночной ветерок, больше девушке не удавалось уловить ни звука.

– Здесь они. Я их чую, – отчетливо произнес знакомый хриплый голос в соседней комнате.

Костяк смущенно посмотрел на подругу и громко сказал:

– Эле, мы здесь.

В дверях появились две фигуры: высокая, с тусклой сталью в руке, и низенькая, смутно темная. Высокая с горечью сказала:

– Неплохо вы устроились. Раньше здесь леди Ронвен жила. Можно сказать, первая дама королевского дома. А теперь, значит, здесь ворюги и свинарки отдыхать изволят?

– Не сердись, – Даша поспешно подошла, обняла хозяйку. – Мы никак выйти не могли.

– Мы видели, как вы на подоконнике обнимались, – безжалостно объявил полукровка. – Эле, это как называется? Лапались?

– Ты бы помолчал, – сказала бывшая Перчатка, глядя девушку по ровно обрезанным волосам. – Одни боги знают, как же ты меня на этом проклятом чердаке достал. Эти полумирные дарки своей болтовней кого угодно уморят.

– Скучно было, – без особого смущения объяснил Мин.

– Скучно ему? – Эле фыркнула. – Королевство Каннута, считай, развалилось. В замке два десятка людей осталось.

Король то ли жив, то ли нет. Армия погибла. Наследник пропал. Лорды разбежались. А этому коротколапому болтуну скучно. Да о такой страшной ночи деды внукам рассказывать будут.

– Да, жуткая ночь выдалась, – согласился Костяк.

– А ты, лохматый, тоже помолчал бы, – сердито сказала Эле. – Тебя зачем послали? Чтобы узнал – по доброй воле здесь Аша остается или по принуждению? А он залез и пропал.

– Я узнал, – возразил парень.

– Вижу, – Эле покосилась на развороченную кровать. – Аша, тебе как замковая жизнь? Понравилась?

– Уборная здесь просто класс, – сказала Даша. – Но кормят нерегулярно. И невкусно. Пойдемте отсюда поскорее.

– Значит, не желаешь в благородные дамы пробиваться? – Эле вложила короткий меч в ножны. – Тебя сестра почему бросила? Из-за лохматого? Я как увидела, что они без тебя на лошадей вскакивают – у меня аж сердце остановилось. Думаю, вдруг вас сгоряча прирезали. Или у тебя, Костя, хватило шустрости спрятаться?

– Я им не нужен был, – уклончиво сказал вор. – Они в бега подались. Даже Дашу оставили, чтобы не рисковать. Только серебро и цапки прихватили.

– Хм, значит, благородная красавица сестру на серебро разменяла? – поморщилась Эле.

– Нет, – Даша вздохнула. – Они погони боятся. Куда им

со мной возиться? Да я бы и отбивалась изо всех сил. Не хочу с ними. Собственно, тут не о чем говорить. Мы с сестрой мирно расстались. Зла на нее я больше не держу, но и слышать о ней не желаю. Разошлись наши дорожки.

– Ну, не знаю, – с явным сомнением протянула Эле. – О дорогах жизненных одни боги ведают. А что за девки с твой сестрой были? Двигались так странно, будто рыба в воде.

– Потом расскажем, – поспешно сказал Костяк. – Давайте из замка уходить.

– Да куда вы торопитесь? – поморщилась Эле. – Рассвет скоро. Подождем. За стенами сейчас спокойнее. Не знаю, как отсюда, а с чердака, где я чуть не задохнулась, много чего слышно. В городе сейчас плохо. Давайте здесь посидим. Вряд ли кто нам до утра претензии предъявить вздумает. Тем более пираты едва ли каким-то чудом напрямик в городе окажутся. Войско – вещь неповоротливая. Сидите спокойно.

– Да, когда мы еще в настоящих господских покоях отдохнем? – радостно поддержал хозяйку полукровка.

Кроме фруктов, орешков и фруктовой воды, ничего съестного в покоях Мари не нашлось. Невольные гости сидели вокруг стола. Любознательный Мин бродил по комнатам, разглядывал мебель, многочисленные вазы и статуэтки. Темнота полукровке совершенно не мешала.

– Я здесь когда-то бывала, – вздохнула Эле. – Принц наш, хм, дружил с леди Ронвен. Весьма опытная была дама. Ох,

сколько лет-то прошло.

Даша, без особого энтузиазма чистившая апельсин, осторожно спросила:

– Он старше вас был?

– Всего на пять лет, – Эле разломил яблоко. – Мы ему и няньками были. Не знаю, выберется ли он сейчас. По слухам, что среди солдат прошли, принц Берн или в плен попал, или успел с остатками личной охраны от окруженных барок в пустоши прорваться. Столько лет прошло, а я, как бабка старая, за него все волнуюсь.

– А я за своих волнуюсь, – сказал Костяк, мрачно глядя на одинокий огонек свечи. – Наверное, надо из города уходить. Пираты Флота шутить не будут. А если узнают, что мы с Ашей лично их шпионов на речное дно прибрали, могут и поохотиться. Сейчас про нас найдется кому настучать. Лучше на Пустые хутора заранее отойти, если у Гвоздя на нас отдельных планов не имеется. Как думаешь, Эле?

– Про вашего главного ворюгу ничего не скажу. Думаю, пираты на вас с девочкой охотиться не станут. Нужны вы, когда здесь такой город ждет. Пираты тем, что поценнее, займутся.

– Хозяйка, если насчет того, что поценнее, так здесь деньги лежат, – немедленно откликнулся откуда-то из глубин комнат полукровка. – Нам нельзя брать?

– Очень даже «лзья», – сказала Даша. – Сестрица прямо сказала, чтобы забирали все, что поценнее. Попадет ведь в

чужие руки. А наши руки не чужие. Я, между прочим, прямая наследница. Что мы зря сидим? Давайте соберем что полегче.

– Выходит, мы еще раньше пиратов грабить начнем? – с осуждением пробормотала Эле.

– Вы, хозяйка, извините, но город еще вчера делить начали, – сказал, поднимаясь, Костяк. – А леди Мари действительно сказала, чтобы мы забрали ценности. Что же мы их пиратам жертвовать будем?

– Смотрите, какую я сумку крепкую нашел, – объявил полукровка.

Груда вещей быстро росла на столе. В основном забытые на столиках и сундуках драгоценности и безделушки, серебряные «короны» и тяжелые полновесные «быки» из рассыпанного второпях кошелья, подсвечники и посуда.

– Вы это что? – не выдержала Эле. – Как тащить такую тяжесть собираетесь? Война на пороге. Тут бы до дома невредимым добраться. Ты, Костяк, эту железку вместо щита использовать собираешься? – женщина постучала по овальному блюду, на котором свободно мог поместиться какой-нибудь юный Вас-Вас.

– Многовато, – неохотно признал лохматый. – Возьмем только деньги и побрякушки. Остальное здесь припрядем. Может, удастся вернуться.

Даша, которая в сборе презренного металла не участвовала, показала на собственную добычу: несколько флаконов

и баночек, футляр с ножницами и небольшую книгу в роскошном кожаном переплете:

– Это нужно взять обязательно.

– Дашечка, склянки зачем? – запротестовал Костяк. – За серебро любое притирание купить можно.

Эле откупорила большой флакон, понюхала:

– Вейров бальзам. Пожалуй, Аша права – это снадобье потянет не меньше половины серебра, что вы здесь навалили. А книжка зачем?

– Ты будешь по ней читать учиться, – заявила Даша. – По этой книге быстро выучишься.

Костяк раскрыл книгу, нагнулся к свече, пошевелил губами, с уважением посмотрел на подругу:

– Пожалуй, нужно взять.

– А мне можно поучиться? – осведомился полукровка, заглядывая в титульные листы «Нравы бытия времен тайной школы Перчаток».

В этот миг во дворе раздался пронзительный вопль.

– Началось! – Эле кинулась к двери.

Даша выскочила на галерею последней. У ворот шел бой. Стражники пытались сбить с коней двух всадников, въехавших в приоткрытые ворота. Пара пришельцев отчаянно отбивалась от длинных гизарм и копий. Мечи гостям замка не сильно помогали. Лошадь юркого маленького всадника жалобно заржала, осела на задние ноги. Всадник успел отбить направленное в грудь широкое лезвие гизармы, но сразу три

копья вонзились ему в бок и бедро. Человек завалился на круп лошади. Его высокий худощавый товарищ держался. Меч чужака обрубил еще один наконечник копья. Ворота, поскрипывая своим массивным механизмом, начали закрываться. Всадник заставил своего коня попятиться и издал протяжный вибрирующий вопль. У Даши мороз пробежал по спине – так люди даже перед смертью кричать не должны.

– Кончено. Сейчас они его... – сказал Костяк.

– Нет. Он знает, что делает, он... – зарычала Эле. Закончить она не успела.

Долговязый всадник соскочил с седла, едва ли не на самые острия копий. Мгновенно полоснул мечом по горлу своего коня. Скакун дрогнул от предательского удара, забился, ваясь на мостовую. Огромная створка ворот тут же уперлась в тушу несчастного животного, еще дергающего задними копытами. Теперь ворота зияли узкой заблокированной щелью. Натужно скрипел механизм ворот, из надвратной башни доносились крики солдат. Их товарищи атаковали спешившегося пришельца. Солдат было полтора десятка против единственного врага, но стражникам мешала бьющаяся в агонии лошадь, да и развернуться в узости перед воротами было трудно, мешало собственное длинное оружие и расставленные перед воротами рогатки. От пик троих оказавшихся впереди солдат пришелец уворачивался с издевательской легкостью. Теперь, стоя на земле перед тушей зажатой в воротах лошади, пришелец совсем не казался долговязым

и неуклюжим. Это почувствовали и солдаты. Заорал десятник, солдаты выровняли подобие строя, двинулись, готовясь пронзить одинокого врага остриями гизарм и пик или хотя бы вытолкнуть его за ворота. Но противник безрассудно атаковал их сам. Меч он держал странно: одна рука на рукояти, другая посреди клинка. Пришелец прыгнул прямо на строй. Взлетев неожиданно высоко, оперся ногой о щит одного из солдат. Укола меча Даша не заметила, только сосед солдата, чей щит послужил ступенькой, начал падать, а пришелец оказался за спинами строя защитников замка. Яростно закричал десятник. Солдаты попытались окружить одинокого противника стеной щитов, задавить численностью. Несколько человек, оказавшиеся перед воротами, схватились за тушу лошади, заблокировавшую створки ворот, попытались отодвинуть. Все это происходило так быстро, что Даша буквально два раза успела вздохнуть. Понять, почему падают солдаты в этой неразберихе, оказалось решительно невозможно. Пришелец работал своим мечом, как очень коротким копьём, и человеческий глаз не успевал уследить за мгновенным блеском уколов. Девушка лишь догадалась, что высокий пришелец каким-то образом прошел через строй солдат еще раз и снова оказался перед воротами. Оба стражника, тянувшие труп лошади, упали одновременно. Двое других солдат, пихавших тушу несчастного скакуна сзади, шарахнулись. Пришелец дотянуться до них не успел – клиновидное острие гизармы, наконец, достало его спину, швырнуло на

колени. Немедленно еще одно копьё вонзилось в плечо. Уже с земли высокая фигура дотянулась клинком до ближайшего стражника. Но защитники замка уже пришили врага к мостовой, как длинноногого живучего богомола.

Даша осознала, что это Эле рядом во весь голос орет: «Это он! Такой же, такой же!» Понять смысл крика девушка не могла – спектакль, за которым они следили с высокой трибуны галереи, казался какой-то захватывающей нелепицей.

Солдаты снова ухватились за лошадиную тушу, но было уже поздно, – в щель между створками ворот одна за другой проскальзывали темные тени. Такие же высокие, сухопарые, в неопределенной темной одежде, как и их товарищ, только что проткнутый гизармами. Только у этих теней в руках были короткие копьё с гранеными жалами-наконечниками. Солдаты, возящиеся с лошадью, упали мгновенно. Но и остальные стражники не успели создать даже подобие строя. Нападающие, не останавливаясь, прошли через группку солдат – оставшихся на ногах стражников осталось всего трое или четверо. Темные высокие тени легко перескочили через острия рогаток и устремились к воротам Цитадели. Лишь три тени повернули направо, – к двери надвратной башни и караульного помещения.

Эле рванулась к лестнице, выводящей с галереи вниз. Костяк прыгнул следом, повис на плече рослой женщины. Эле кратко выругалась, свободной рукой перехватила парня за шиворот. Костяк с отчетливым стуком впечатался в стену.

Даша ахнула. Эле кинулась к лестнице, но тут же брякнулась на колени – на ней, обхватив за ноги, повис Мин. Женщина лягнулась. Полукровка взвизгнул: «Не надо, хозяйка! Убьют!» Эле с проклятием двинула его подошвой в лоб, но Мин не отцепился.

– Пусти, урод! Я должна. – Эле брыкалась, полукровка висел на ней коротконогой собачонкой. От стены подполз Костяк, попытался ухватить женщину за руку, но моментально получил в ухо и отлетел обратно к стене. Даша прыгнула на хозяйку, распласталась поверх, прижимая к полу:

– Эле, не нужно! Их много!

– Я должна. Это те! Пусти, дура, пока я вас не порезала.

– Режь, – хлюпнула Даша. – Куда мы без тебя?

Эле рванулась так, что Даша подлетела на добрый метр. Сзади заскулил полукровка. У Даши лягнули зубы, но она только крепче вцепилась в платье хозяйки. Прижатая к полу Эле замерла.

– Поздно, – бывшая Перчатка скрипнула зубами.

Снаружи царила тишина. Слышно было, как рядом с галереей, шурша крыльями, пронесся маленький крылан.

Сбоку подполз Костяк. Из его левой ноздри сочился узкий ручеек крови. Парень осторожно взял Эле за рукав.

– Госпожа, не нужно. Вы не готовы к бою. Мы все не готовы.

– Да пусти ты меня! – шепотом рявкнула Эле. – Взял моду лапать. А ты, Ашка, перестань мне волосы выдирать. А если

этот коротконог морду из-под моих юбок вынет, совсем чудесно будет.

– Я ничего не вижу, – обиженно заявил полукровка. – Вы, госпожа Эле, мне глаз подбили.

– Скажи спасибо, что голову не оторвала, – прорычала женщина. – Вон, Дашка мне до сих пор пытается.

Даша поспешно отпустила густой хвост волос.

– Прости, я случайно.

Эле села, отряхнула порванный подол:

– Проклятые юбки. А вы все – сукины дети. Сопливые.

– Может, посмотрим, что там? – предложил Костяк, размазывая кровь под носом.

На площадке перед воротами лежали неподвижные тела. Лошадиные, человеческие. Черно-белая форма защитников Каннута казалась лишь резкими ночными тенями на мостовой. Костры разбрасывали длинные тени, в которых слабо блестели шлемы, наконечники гизарм и темные лужи.

Еще одна худощавая фигура лежала перед воротами Цитадели.

– Этого лучники с надвратной башни сбить успели, – со слабым удовлетворением сказала Эле. – Мне бы хороший лук...

– А как же Цитадель? – потрясенно прошептал Костяк. – Ведь ворота...

Только теперь Даша обратила внимание, что ворота Цитадели распахнуты и решетка поднята. За воротами на мосто-

вой с трудом можно было различить лежащего ничком гвардейца.

– В спину ударили, – почти спокойно объяснила Эле. – Должно быть, лорд Дагда позаботился. И маг у него действительно есть. Оказывается, не ввали, – женщина показала на бойницы надвратной башни Цитадели. Оттуда поднимались едва заметные струйки сиреневого дыма.

– Что теперь будет? – подавленно прошептала Даша.

– Хм, проще сказать, чего не будет, – Эле потеряла ушибленное колено. – Старого Каннута не будет. Короля не будет. Надо думать, старик уже к предкам отправился. Ловок этот Дагда, ничего не скажешь. Как же он так все подогнал? Враз сработали, чудо как слаженно. Проклятые груаги.

– Кто? – пролепетала Даша.

– Груаги. – Эле ткнула в одинокое тело перед воротами Цитадели. – Тебе, Ашка, память отшибло? Я же тебе рассказывала. Кто мне тогда у реки руку переломал и девочек убил?

– Я думала... – пробормотала Даша.

– Тихо!

Из надвратной башни донесся слабый крик.

– Лучников добили, – с болезненной гримасой прошептала Эле.

Из дверей башни вынырнули три тени, подхватили среди трупов тело товарища, обеспечившего захват ворот, бегом понесли к Цитадели.

– Лук бы мне, лук, – застонала Эле.

– Я бы тоже мог, – неуверенно прошептал полукровка, взвешивая на ладошке речной голыш.

– Нет, у них кости как из бронзы. Их только в сердце или глаз бить нужно. Поздно я об этом узнала, – горестно прошептала бывшая Перчатка.

Присев за парапетом галереи, они следили как навстречу соратникам из ворот Цитадели выскочили еще двое груагов, подхватили второго убитого. Двигались худощавые дарки быстро и бесшумно. Даша вздрогнула, когда, опускаясь, закрипела решетка и начали закрываться ворота.

– Теперь Дагда король? – осведомился Мин.

– Хм, выходит так, – Эле пожала плечами. – Только сколько он на троне усидит? Даже с этими проклятыми груагами Цитадель против пиратов Флота долго не устоит. Дагда разве что надвратную башню таким малым числом удержать может. Пиратов, говорят, тысячи. Не могу догадаться, зачем этому Дагде именно сейчас понадобился трон Каннута. Королем пару дней захотелось побыть? В сговор Дагды с пиратами я что-то не верю. Предательство – это одно, а крепкий союз с Флотом – другое.

– Можно, пока ты думать будешь, я пойду, умоюсь? – гнусаво спросил Костяк. – Я весь в соплях.

– Пошли, посидим, фруктовой водички попьем, – вздохнула Эле. – Мы до рассвета в этой части замка единственная власть. Что ж нам водички не попить? А ты, лохматый, следующий раз под руку мне не суйся. Как я тебя мечом не

угостила, ума не приложу. Иди-иди, рожу умывай.

Эле сидела, глубоко задумавшись. Ее нога в потертом башмаке лежала на крышке мозаичного стола. Бывшая Перчатка уже чувствовала себя на войне. Только ее домашнее платье, изящный узкогорлый кувшин на столе, да и вся развороченная, но все еще шикарная комната совершенно не соответствовали наступившим страшным временам. Даша покосилась на меч, лежащий на коленях подруги. Чеканная, обтянутая какой-то странной шероховатой кожей рукоять, украшенные серебряными бляшками ножны. Вот меч, должно быть, вполне соответствовал новым временам. И где его Эле прятала все эти годы? Последняя память о славных временах Перчаток.

Два собранных мешка с ценностями стояли на полу. Нормальные мешки, умеренно тяжелые, такой мешок кто угодно утащит. Упаковывавший «наследство» Мин сейчас шлялся где-то по комнатам – устроил себе последнюю экскурсию. Даша неуверенно посмотрела на неподвижную хозяйку. Пора бы и идти. Куда это Костя запропастился? Опять в ванну залез?

Костяк сидел на краю ванны. Лицо мокрое, в руках полотенце.

– Ты чего? – Даша обняла друга за шею.

– Так, – лохматый неопределенно дернул плечами. – Жалко. По всему выходит – конец Каннату. Не чужой ведь нам

город.

– Неумолимые законы естественного исторического развития. С ними не поспоришь.

– Хм? – Костяк осторожно промокнул нос. – Слишком умно для меня. Спать я хочу по-страшному. Это не ночь, а вообще какой-то переворот земли вверх ногами.

– Вот еще, спать он собрался, – сердито прошептала Даша. – Что мы делать-то будем?

– По плану. Уходим. До дому я вас провожу. Потом к своим, если кто в городе еще остался. Расскажу, что здесь произошло. Если сообща решим уходить – вас забираем и на Пустые хутора. Если других приказов не будет.

– Ты уже взрослый мальчик. Мог бы и без приказов обойтись, – прошептала Даша. – Ты только не злись на меня.

– Я не злюсь, – мирно сказал лохматый. – Только я – «деловой». У нас друг друга принято защищать. К тому же у меня сведения ценные. Я там нужен буду.

– Думаешь, Эле мы не нужны? Она ведь домой не пойдет. Она упрямая.

– Могу ей еще раз нос подставить, – пробормотал Костяк. – Хотя она мне не то что нос, шею легко может свернуть. Второй раз может и запомнить, что я твой ухажер. Ее идти домой мы в жизни не уговорим.

– Значит, сами останемся.

– Даша, – лохматый посмотрел девушке в глаза, – я рисковать привык. Для тебя что угодно сделаю. Только я щит сро-

ду в руках не держал. Мне что, предлагаешь смотреть, как тебя копьями тыкать будут? Что от нас здесь толку?

– Что-нибудь придумаем. Если хозяйку до смерти не убьют, оттащим куда-нибудь, спрячем.

– «Что-нибудь, куда-нибудь», – сердито прошептал Костяк, – что у вас за бабские планы? Мне вот твоя сестра на-казывала тебя саму в безопасное место оттащить и спрятать.

– Какая сестра?! Та блондиночка кокетливая, что тебе подмигивала? Какой ты послушный. Пошла она на хрен, сестричка. Знать ничего не хочу. Ты понимаешь, что Эле одну оставлять нечестно?

– Я тоже с ней останусь, – объявила низкорослая тень, проявившаяся в темном дверном проеме. – Она хозяйка. Мы помочь должны. Так честно.

Костяк яростно засопел:

– Ты, карлик пронырливый, будешь так подкрадываться – я тебе живо второй глаз подобью.

– У тебя самого нос распух, – с достоинством ответствовал Мин. – Если битва – мы должны вместе держаться. Племенем Эле командует.

– Вот же суслик племенной, – зашипел Костяк, – тебе лишь бы воинствовать...

– Что вы там расшептались? – поинтересовалась из комнаты хозяйка. – Собирайтесь, скоро светать начнет. Сюда идите.

... – до наших развалюх мало кто интерес проявит, – об-

стоятельно объясняла Эле. – Главное, чтобы пожара не было. Если пожар – бегите к Земляному каналу и лезьте в воду. Лучше дерьма нахлебаться, чем задохнуться. А так – сидите дома и носа не показывайте. Ну, наш лохматый сам разберется, чем заняться. Как-никак – десятник. Поняла, Даша-Аша?

– Поняла, – кивнула Даша и дернула шнурки платья. – Эле, ты не горячись, но мы решили с тобой остаться. Там – страшно, здесь – страшно. Лучше уж вместе. Мы мешать не будем.

– Слышали? – Эле хмыкнула. – С каких это пор девчонки командуют? А ты, ворюга, чего молчишь? Собрался девицу под копыя подставлять? Зачем вы, молокососы, здесь нужны?

– Я руки вязать Аше, да тащить ее как поросенка не буду, – проворчал Костяк. – Она не простит. Да я и сам себе не прощу – такое дело, а я в кусты. Куском дерьма потом буду. В строю биться мы не умеем, но глаза у нас-то есть? Лишние глаза тебе не мешают. А один на один с груагом и ты не выступишь.

– Они слишком быстрые, – спокойно согласилась Эле. – Но не быстрее стрелы из хорошего лука. Сдохну, но двух-трех подстрелю. Если я засяду на Речной башне, она повыше стен Цитадели, неужели не подкараулю? Я их, тварей долговязых... – бывшая Перчатка гадко выругалась и встала: – Лохматый, ты умный. Бери этих двоих и проваливайте, пока не поздно.

– А меня за что?! – изумился Мин. – Ко мне и претензий

не было. Я полезный.

– Эле, не нужно нас пинками выгонять, – попросила Даша. – Мы себя будем отвратительно чувствовать. Скажи лучше, что нам нужно до рассвета сделать?

– Ох, не будет мне прощения, – вздохнула Эле. – Ладно, на коротышку у меня планы имеются. Только слушаться меня с полуслова. И что вы расселись?! Дашка, что из тряпья в сундуках у твоей сестры есть?

Началась лихорадочная возня. Мин энергично помогал Даше с одеждой. Костяк прятал мешки с «наследством». Эле всех подгоняла, пугала, что небо уже светлеет, и ругалась, почему у Даши родня такая узкобедрая, и подружек ничуть не лучше себя подбирает.

Когда выбрались во двор, небо действительно чуть посветлело.

– Вдоль стены и замрите, – скомандовала Эле.

Четверка на миг замерла у угла, прислушиваясь, затем Эле уже в одиночестве кинулась к дверям мертвой надвратной башни. Глядя, как она легко перепрыгивает через трупы, Даша подумала, что бывшая Перчатка движется едва ли ненамного медленнее странных груагов. Костяк тоже замороженно смотрел вслед черноволосой женщине.

– Что, штаны впечатление произвели? – догадалась Даша и попыталась ткнуть парня локтем.

От локтя лохматый уклонился, неопределенно плавно повел в воздухе ладонью:

– Штаны – о-го-го. Очень натянутые.

Действительно, самые просторные штаны для верховой езды из найденных в сундуках выглядели на соблазнительных бедрах Эле весьма вызывающе. Покрой одежды тоже не выглядел тривиальным – «ковбойских» штанов со шнуровкой на бедрах в Канноте почему-то обычно не носили. Чувствовался экстравагантный вкус Машки.

– Вот ты гад, – прошипела Даша. – Штаны разглядел. А говорил, что спать хочешь.

– Я на воздухе взбодрился, – ухмыльнулся парень. – Дашечка, а эти, подруги твоей Мари, они кто? Я ни таких штанов, ни таких девиц сроду не видел. Дарки?

– Отстань, Костя. Нам только изощренных девок-вамп сейчас обсуждать осталось.

– Вампы? Где вампы? – оживился полукровка. – Почему я вампов не видел? Это какие вампы были?

– Да отстаньте вы, – зашипела Даша. – Потом расскажу. Куда Эле пропала? Сейчас рассветет.

Хозяйка появилась из башни с двумя луками в руке и двумя колчанами за спиной. Нетерпеливо махнула оружием, приказывая двигаться, как уславливались.

– Один лук – мне, – предположил Мин.

– Он же длинней повыше тебя будет, – хихикнула Даша.

– Что вы треплетесь? – неожиданно рыкнул лохматый. – Живо побежали, болтушки пустословые.

Даша хотела обидеться, но пришлось изо всех сил бежать

за шустрым полукровкой. Хорошо, что новые сапожки, добытые из объемистых сундуков, пришлись впору. Троица преодолела открытое пространство и под замковой стеной соединилась с Эле.

– Бегаете, как черепахи, – прошипела хозяйка. – Заснуть успели? Костяк, мы не кошельки идем резать, шевелите ногами.

– Понял. Извините, – прошептал парень.

– Южное крыло огибаем и поднимаемся на стену. Тихо и быстро, – проинструктировала Эле. – Лохматый, идешь последним.

Цепочка из четырех смутных в предрассветном сумраке фигурок пробежала вдоль высокого строения и оказалась у башни, обращенной к вонючему Земляному каналу. Эле тронула кольцо двери – заперто.

– Через кузню попробуем, – прошептала бывшая Перчатка.

Даша старалась не отстать от низкорослого полукровки. Бежать приходилось согнувшись и очень быстро. Казалось, каблочки сапог стучат, как конские копыта. По правую руку оставалась высокая стена Цитадели. Наверху, между зубцов, наверняка затаились злобные груаги. Сейчас они...

Вслед за Мином Даша нырнула в темные ворота невысокого строения, споткнулась о ведро. В следующее мгновение жесткая рука Эле пригнула голову девушки, спасая от болезненного столкновения с растянутыми у кузнечного горна це-

пиями.

– Ну, Даша-Аша, корова слепая...

Обижаться смысла не было. Кто же виноват, что некоторые видят в темноте, как нормальные люди, а не как воры, полукровки и отставные телохранительницы? Эле исчезла где-то среди воняющего угольной гарью и остывшим железом хлама. Мин молча ухватил девушку за руку, потянул следом. Пришлось карабкаться по старой деревянной лестнице, – вытертые бесчисленными ногами ступени поскрипывали под ногами. Даша зацепилась плечом за проем люка. Мин помог встать, потянул к следующему лестничному проему. Даша старалась быть быстрой – и так стыдно, все что-то несут, а ты с пустыми руками, да еще не поспеваешь за остальными. На следующей лестнице Даша оступилась и, кажется, наступила на руку лезущему следом Костяку. Лохматый не проронил ни звука.

Эле откинула следующий люк, с кошачьей ловкостью скользнула вверх. Даша в сером свете разглядела собственные руки, уцепившиеся за перила. В лицо повеяло прохладным утренним ветерком.

– Можете дух перевести, – прошептала Эле.

Четверка сидела на корточках под зубцами верхней части стены.

– Значит, мы у Канальной башни, – едва слышно шептала Эле. – Через нее пройдем, следующая будет Речная. Она нам и нужна. Только в любой башне мы можем на людей на-

ткнуться. Начеку будьте. И если кто во весь рост встанет – ноги поотрываю. Здесь до стены Цитадели шагов двадцать, и если Дагда там своих часовых не поставил, значит, он не только холощенный, но и мозгов напрочь лишившийся. Только такого счастья нам не видать. Раз он Цитадель в момент захватил – ума у него побольше, чем у всех нас, вместе взятых.

Все закивали. Даша в некотором испуге смотрела на хозяйку. Помолодевшая, снявшая привычную одежду, Эле на саму себя была непохожа. Взгляд – как у волчицы голодной.

Бывшая Перчатка пошла первой, скользнула в башню ящерицей, только дверные петли чуть скрипнули. Луки Эле отдала вору, оставила себе только меч и кинжал. Даша скорчилась на корточках. Мгновение томительной тишины... Эле выглянула, поманила к себе. Башня была пуста. Дашу поразило количество оружия: десятки дротиков и копий стояли у стен. Рассохшиеся бочки были полны речных камней, столь любимых Мином, только раза в три крупнее. Висел на цепях потемневший котел. Все это выглядело таким заброшенным, что Даше показалось, что она попала в музейное помещение. Разглядеть заброшенную экспозицию хозяйка не дала, повелительным жестом приказала двигаться дальше. Вдоль зубцов Даша двигалась, согнувшись вдвое, со стороны Цитадели проход прикрывал очень невысокий парапет. Нагруженному мешком и оружием Костяку приходилось еще сложнее. Лишь Мин, хоть и отягощенный мешком, двигался

свободно – чтобы достать макушкой до нижнего среза стены, полукровкой пришлось бы слегка подпрыгнуть.

Самодетельный спецназ ввалился в Речную башню, и Даша просто плюхнулась на пол. Расшитая темно-красными узорами рубашка на спине промокла от пота.

– Устали, что ли? – удивилась Эле. – Мы же только по замку прогулялись.

Даша посмотрела на лохматого. Тот на ногах стоял, но дышал загнанно.

– Да что ты, Эле, это только нервы, – пробормотала де-вушка. – Как бы на глаза кому не попасться.

– Что нам уставать? – браво поддержал ее полукровка. – Интересно было бы весь замок обойти. Я поверху никогда не гулял.

– Хорошая мысль, – согласилась Эле. – Костяк, осмотрись вокруг. Аша, лагерь обустраивай. Только скромно, и ради богов, ничем не громыхай. А ты, мой коротколапый дружок, иди-ка сюда. Я тебе важное задание хочу дать. Ну, в смысле, предложить. Давай-ка обсудим.

Даша осторожно расчистила площадку вокруг люка, убрала мешки из-под ног. Вокруг лежал слой пыли толщиной с палец. Отчетливо виднелась тропинка, протоптанная дозорными, еще вчера лениво обходившими стены замка. Странно – кажется, для Каннута война окончилась, едва начавшись. Неужели здесь всегда так воюют?

Эле закончила шептаться с полукровкой. Мин встал, де-

ловито поправил нож на веревочном поясе и гордым шепотом оповестил:

– Я – на разведку.

Костяк, на миг оторвавшись от бойницы, одобрительно кивнул:

– Только всех сразу там не убивай. Мы этих груагов толком рассмотреть не успели.

Полукровка, отряхивая «комбинезончик» на коленях, заметил:

– Несмешная шутка. Ты, если их заметишь, не пищи со страха. Может, они таких, как ты, непомерно костлявых, вообще не любят. Пообедают кем-то другим.

Эле осторожно открыла люк, ведущий вниз, и пробурчала:

– Закончили, детишки? Вам бы в «битку» играть.

Мин ловко скакнул вниз на темные ступеньки. Эле опустила тяжелый люк, задвинула засов. Отвечая на вопросительный взгляд Даши, буркнула:

– Он сигнал подаст, когда вернется. А чужие пусть в обход идут.

Хозяйка, недовольно шевеля губами, возилась с луками. Костяк неотрывно следил за обстановкой сквозь бойницы, лишь передвигаясь от одной к другой. Даша, не решаясь шевелиться, сидела у мешков. В башню начали заглядывать первые косые лучи солнца.

– Аша, мы в засаде, – тихо сказала Эле. – Занятие это

скучное. Но ничем особенно полезным здесь не займешься. Терпи.

– Я понимаю, – прошептала Даша.

Эле начала вкладывать тщательно осмотренные стрелы в колчан. Не поднимая головы, заметила:

– Стрелы еще ничего делают. А луки – совершеннейшая дрянь. Вот у меня лук был...

– Я никого не вижу, – прошептал Костяк. – И эта стена, и башня Цитадели как вымерли. Не в кого стрелять, госпожа Эле.

– Мы не торопимся, – успокоила бывшая Перчатка. – Запада – дело не только скучное, но и долгое. Я месяц здесь просижу, но подстерегу. Иди, парень, отдохни. У тебя глаза устали.

– Я не устал, я еще могу.

– Костя, – голос Эле звучал почти ласково, – ворами будешь командовать. Здесь, в башне, я старшая. Сами напросились. Иди и отдыхай.

Лохматый молча отошел от бойницы, и Эле заняла его место. Костяк посмотрел на ее спину в чересчур обтягивающей рубаше, на лук в расслабленно опущенной руке, неуверенно глянул на Дашу. Девушка подвинулась, давая место сесть, достала из мешка большую флягу в кожаном, отделанном серебром чехле. Костяк глотнул, чуть слышно прошептал:

– Роскошь. Тут что-то повкуснее воды раньше было.

– Вы еще в голос поорите, – немедленно одернула парня

Эле.

Костяк ухмыльнулся подруге и очень осторожно закупо-
рил флягу.

Время остановилось. Даша сидела, прислонившись спи-
ной к бочке с камнями. Лохматая голова парня лежала у
нее на коленях. Костяк спал тихо, спокойно, лишь иногда у
него чуть подергивались губы. Даша первый раз разглядела,
что на щеках парня появляется пушок. Почему-то почти бес-
цветный. Сквозь щели в кровле башни падали узкие лучики,
и щека воришки чуть золотилась. Будет у него когда-нибудь
большая кудлатая борода? Даша вынула щепку, застрявшую
в спутанных вихрах друга. Надо же, будет бородатый воз-
любленный. Буйно заросший волосищами мужик-любовник.
С ума сойти.

Странная какая жизнь. Даша улыбалась. Вот проснется,
нужно будет прямо спросить... сколько ему лет? Хотя он,
наверное, толком и не знает. Впрочем, какая разница.

Было тихо, тепло. Плыли в солнечных лучах пылинки.
Случайная муха оглушительно громко прожужжала сквозь
башню. Спал Костя, спал мир за стенами. Наверное, спала,
прислонившись плечом к стене у бойницы, Эле.

Дага ему наверняка живот давит. Даша уже пыталась по-
править оружие, но лохматый, не просыпаясь, отвел руку.
Интересно, засыпает он когда-нибудь по-настоящему? Кри-
минал деловой-серьезный.

– Что ты улыбаешься? – прошептала, не оборачиваясь,

Эле. – Иди-ка сюда, только остороженько. Хватит бездельничать.

Даша подсунула под голову лохматому колчан со стрелами и, обходя пыльные связки дротиков, подошла к бойнице.

– Значит, так, садись и слушай, – Эле шептала одними губами. – Когда смотришь-наблюдаешь – никогда не выставляй лоб посреди бойницы. То же самое, когда на бугре сидишь или в кустах. Голова должна быть частью корня, камня, ствола древесного или мертвяка уже дохлого. Иначе будешь выглядеть прыщом на голой заднице. Если именно про тебя, то будешь прыщиком с парой таких дивных глазок, что только слепая землеройка их не заметит. Запомнила? Когда наблюдаешь, резких движений не делай...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.